

Начало нового фэнтезийного сериала
от автора цикла романов-бестселлеров
«СТЕКЛЯННЫЙ ТРОН»!!!

LADY
FANTASY

САРА ДЖ. МААС

КОРОЛЕВСТВО ШИПТОВ РОЗ

Сара Дж. Маас предлагает свое лучшее произведение...
волшебное, чарующее, захватывающее. Мастерство
создателя миров — на звездном уровне.

USA Today

АББУКА

Сара Дж. Маас
Королевство шипов и роз
Серия «Lady Fantasy»
Серия «Королевство
шипов и роз», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21560936

*Сара Дж. Маас. Королевство шипов и роз: Азбука, Азбука-Амтикус;
Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-12361-8*

Аннотация

Могла ли знать девятнадцатилетняя Фейра, что огромный волк, убитый девушкой на охоте, – на самом деле преобразенный фэйри. Расплата не заставила себя ждать. Она должна или заплатить жизнью, или переселиться за стену – волшебную невидимую преграду, отделяющую владения смертных от Притиании, королевства фэйри. Фейра выбирает второе. Тамлин, владелец замка, куда девушка попадает, не простой фэйри, он – верховный правитель Двора весны, одного из могущественных Дворов, на которые поделено королевство. Однажды Фейра узнает тайну: на Двор весны и на Тамлина, ее покровителя, злые силы наложили заклятье, снять которое способна только смертная девушка...

Впервые на русском языке первая книга нового сериала!

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	74
Глава 6	82
Глава 7	101
Глава 8	130
Глава 9	140
Глава 10	155
Глава 11	163
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Сара Дж. Маас

Королевство шипов и роз

*Посвящается Джошу. Доведись тебе меня
искать, ты бы обязательно спустился за мной в
Подгорье. Я люблю тебя*

Sarah J. Maas

A COURT OF THORNS AND ROSES

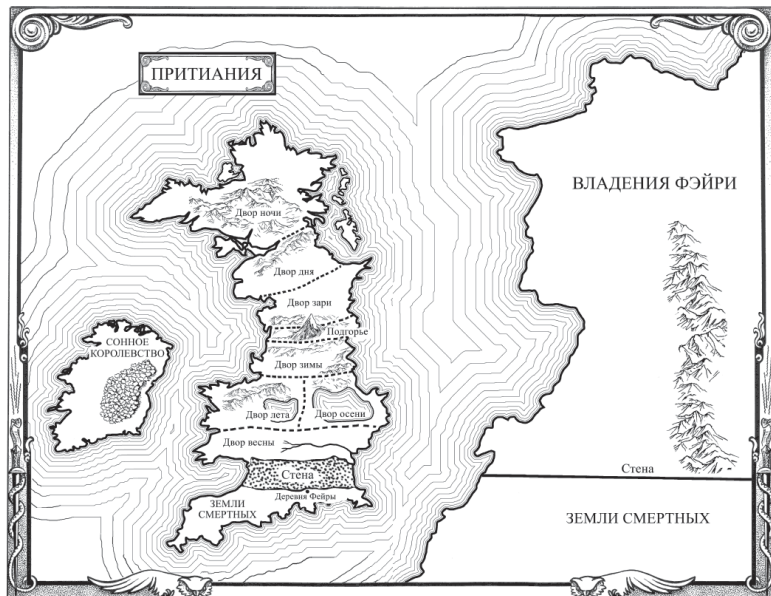
Copyright © Sarah J. Maas, 2015

© И. Иванов, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава 1

Лес превратился в лабиринт из снега и льда.

Устроившись на изгибе толстой ветки, я битый час всматривалась в окрестные заросли, и все напрасно. Беспреданно налетающий ветер кружил снежные вихри, заметал мои следы, а вместе с ними – и следы возможной добычи.

Голод добавил мне смелости, и я отправилась в места, в которые прежде забираться не решалась. Но зима – тяжелое время. Зверье ушло в такие чащи, куда и сейчас я бы ни за что не сунулась. Мне доставались лишь одиночки, по разным причинам отбившиеся от стада. Вот бы они попадались мне до самой весны! Наверное, я плохо молилась. Лес опустел.

У меня озябли пальцы. Я поднесла их ко рту, чтобы немного согреть, заодно смахнула снежинки, прилипшие к ресницам. Сколько ни вглядывалась, я не заметила ни одного дерева с обглоданной корой – верным признаком оленьих стад. Похоже, олени еще не трогались с места. Обычно они обдирали всю кору, а потом устремлялись на север, через волчьи владения, в ту часть Притиании, которая принадлежала фэйри. В те места не сунется даже завзятый храбрец, сохранивший хоть каплю мозгов. У фэйри с людьми разговор один – смерть.

От этой мысли меня прошиб озноб. Я отмахнулась от нее, сосредоточившись на окрестностях и на том, ради чего здесь

торчала. Все, чем я занималась последние годы, – выживала сама и помогала выживать семье. Продержаться неделю – это здорово. Нередко я благодарила судьбу за прожитый день. Бывало, что и за прожитый час. При таком снегопаде вперемежку с ветром я бы обрадовалась любой добыче, посчитав ее редкой удачей. Остаться на дереве было бессмысленно. Я не видела дальше собственного носа, все тонуло в снежной мгле. Ноги одеревенели и не желали двигаться. Стиснув зубы, чтобы не застонать от боли, я вначале сняла и сбросила вниз охотничий лук, затем спрыгнула сама.

Заледенелый снег хрустнул под тяжестью моих истрепанных сапог. Я скрипнула зубами. Дрянная видимость вынуждала меня шуметь больше, чем позволительно охотнику. Скорее всего, сегодня я опять вернусь ни с чем.

Зимние дни коротки. Еще два-три часа – и стемнеет. Если сейчас я не поверну домой, придется возвращаться в темноте. Я хорошо помнила предостережение городских охотников: в наших краях появились громадные волки, рыщущие крупными стаями. А тут еще и участились слухи о странных существах, похожих на людей, – рослых, жутких, смертоносных.

Но уж лучше волки и незнакомцы-великаны, чем фэйри. Наши охотники не ахти какие набожные, но стоило прийти зиме – сразу вспоминали про богов и молились, чтобы те уберегли деревню от набегов фэйри. Я тоже молилась, только втайне. Вот уже восемь лет, как мы жили в этой дерев-

не. От нее – всего два дня пути до границы, за которой начинались земли бессмертных фэйри. Хвала богам, на нашу деревню набегов не было. Странствующие торговцы рассказывали про дальние пограничные города, где после набега фэйри оставались лишь развалины, пепел да кости убитых. Поначалу таких рассказов было немного, и деревенские старики отмахивались от них, называя досужим вымыслом. Но за последние месяцы положение изменилось, и про набег фэйри шептались едва ли не в каждый базарный день.

Отправляясь в лес, я изрядно рисковала. А что прикажете делать? В доме – хоть шаром покати. Вчера мы доели последний хлеб, позавчера – последний кусок сушеного мяса. Если пораскинуть умом, лучше улежись спать с урчащим от голода пузом, чем самой послужить обедом волку или фэйри.

Правда, на мне особо не попируешь. К зиме я сильно отошала и могла пересчитывать собственные ребра. Двигаясь быстро и, насколько возможно, тихо, я приложила руку к животу, который свело от голода. Мысленно я уже видела вытянутые физиономии двух старших сестер. Если опять вернусь домой с пустыми руками, увижу воочию.

После нескольких минут напряженных поисков я добралась до заснеженных кустов ежевики. Сквозь них просматривалась полянка, где протекал ручеек. Дыры во льду подсказывали: зверье частенько приходит сюда на водопой. Оставалось надеяться, что кто-нибудь пожалует, пока я здесь. На-

дежда – вечная приманка, особенно для голодного ума.

Я вздохнула, уперла конец лука в снег и привалилась лбом к грубому изогнутому древку. Без еды следующая неделя может оказаться для нас последней. Многие семьи в деревне уже побирались, рассчитывая на подачки богатых горожан. Меня на такие упования не поймаешь. Я собственными глазами видела, как быстро сытым надоедает возиться с голодными и неимущими.

Я встала поудобнее и успокоила дыхание, напрягая слух и стремясь за воем ветра расслышать что-нибудь еще. Снег падал и падал, торопясь укрыть чистым белым покрывалось все, что до недавнего времени оставалось коричневым и серым. Вопреки себе, наперекор озябшим рукам и ногам, я наслаждалась белизной окружающего пространства. Мой утомленный мозг постепенно успокаивался.

Когда-то я могла целыми днями любоваться сочной зеленой травой на фоне темного свежевспаханного поля или восхищаться аметистовой брошью в складках изумрудного шелка. Тогда меня занимали лишь краски, свет, очертания. Я этим жила... Уже потом, оказавшись в деревне, я иногда мечтала о благодатном времени, когда сестры выйдут замуж и мы с отцом останемся вдвоем. Нам и с едой будет попроще, и денег хватит на краски. А главное – хватит времени, чтобы заполнить красками бумагу, холст или голые стены дома.

Эти мечты едва ли осуществляются в ближайшее время. Не исключено, что им вообще не суждено сбыться. И пото-

му мне оставались лишь мгновения вроде нынешнего, когда можно полюбоваться узорами неяркого зимнего света на снегу. Уже и не помню, когда в последний раз я останавливалась, привлеченная чем-то красивым или интересным.

Редкие часы, проведенные в покосившемся сарае с Икасом Хэлом, не в счет. То были голодные, пустые и порою жестокие мгновения без капли прекрасного.

Завывания ветра сменились негромкой песней. Теперь снег падал крупными ленивыми хлопьями, густо покрывал ветви. Его мягкая красота завораживала. Такой нежный и пушистый снег бывал смертельно опасен, но я все равно любовалась им. Мне не хотелось возвращаться по замерзшим глинистым дорогам к скудному теплу нашего дома.

На другом краю полянки зашелестели кусты, и я мгновенно приготовила лук. Любование красотой кончилось. Затаив дыхание, я вглядывалась в просвет между заснеженными ветвями.

Шагах в тридцати от меня стояла небольшая олениха, она еще не успела отощать, однако жадно обгрызала кору.

Мяса этой оленихи нашей семье хватило бы на неделю, а то и больше.

У меня даже слюнки потекли. Тихо, словно ветер, шелестящий между опавших листьев, я подняла лук и прицелилась.

Олениха и не подозревала, что неподалеку притаилась смерть. Она отщипывала от ствола очередной кусок коры и

медленно жевала.

Половину мяса нужно будет высушить, а второй половиной мы вдоволь наедемся. И на жаркое хватит, и на пироги... Шкуру можно продать или пустить на одежду для кого-то из нас. Мне не помешали бы новые сапоги, Элайне нужен новый плащ, а Неста всегда желала занять все, что было у других.

У меня дрожали пальцы. Столько пищи – такое неожиданное спасение от голода. Я успокоила дыхание и еще раз тщательно прицелилась.

И тут совсем рядом со мной блеснули золотистые глаза.

Лес замер. Ветер стих. Даже снег перестал падать.

Мы, смертные, не то что перестали молиться богам – давно позабыли их имена. Но если бы я знала их имена, я бы сейчас молилась. Всем подряд. Чаша заслоняла волка от беспечного зверька. А хищник, не сводя глаз с оленихи, приблизился к ней на пару шагов.

Волк был громадным – размером с пони. У меня пересохло во рту. О таких волках и предупреждали охотники.

Я впервые видела волка-великана. Удивительно, но олениха по-прежнему не слышала и не чуяла его. Если этот волк притианского происхождения, если в нем есть что-то от фэйри, тогда участь быть съеденной волновала меня меньше всего. Вообще-то, если передо мною фэйри, пусть и в обличье волка, мне нужно со всех ног улепетывать отсюда.

Однако... убив зверя, пока он меня не видит, я принесу пользу миру, нашей деревне и, конечно же, самой себе. Я

допускала и такую возможность. Мне не составит труда пустить ему стрелу между глаз.

Я попыталась рассуждать здраво. Пусть этот волк и громадный, но он похож на волка и движется по-волчьи.

«Он – всего-навсего зверь», – убеждала я себя.

При мне – охотничий нож и три стрелы. Две простых, пригодных для обычной добычи. Но для такой громадины они были бы не страшнее пчелиного укуса. А вот третья стрела... Она длиннее и тяжелее остальных. Я купила ее летом у странствующего торговца. Тогда нам хватало не только на еду. Древко стрелы сделали из дерева горной рябины, добавьте к этому железный наконечник...

Дерево горной рябины отличалось особой прочностью. Говорили, что именно оно и отнимало у фэйри бессмертие. А еще фэйри боялись железа и ненавидели этот металл. На то и были рассчитаны такие стрелы. Железный наконечник ослаблял целительную магию фэйри, их раны не затягивались мгновенно, и удар стрелы оказывался смертельным. Так утверждали слухи. Быть может, горной рябине приписывали особые свойства лишь потому, что она встречалась очень редко. Рисунки я видела, а настоящее дерево – никогда. Правители народа фэ очень давно сожгли почти все деревья, остались лишь маленькие и чахлые. Их и не заметишь среди высоченных деревьев других пород. Кстати, эту стрелу я покупала не нынешним летом, а три года назад. Потом долго мучилась сомнениями, не слишком ли переплатила за де-

ревянную палку и кусок железа. Я постоянно таскала рябиновую стрелу в колчане, но она еще ни разу не вылетала из моего лука.

Я быстро достала стрелу и, стараясь не обнаружить себя, вложила в лук. Если метко прицелиться, длинная, тяжелая стрела серьезно ранит волка или даже убьет.

Если я убью волка, то одновременно спугну олениху и та убежит. Если же убью олениху, волк либо вцепится мне в горло, либо поспешит к туше оленихи. Тогда прости-прощай мясо и шкура.

От напряжения у меня заболело в груди. И не раньше, не позже, но ровно в эту секунду обожгла мысль: а волк явился сюда один?

Крепче сжав лук в руке, я натянула тетиву. Я довольно метко стреляла, но только не в волков. Я привыкла считать себя везучей; возможно, сама судьба благоволила мне на охоте. Так я думала раньше. Но сейчас... Я не знала, куда целить и насколько быстры волки. Когда у тебя всего одна рябиновая стрела, промах недопустим.

Если же это был волк-оборотень и под шкурой у него действительно стучало фэйское сердце... так тебе и надо. Получи по заслугам за все зло, что твои соплеменники причинили людям. Лучше я убью его здесь, и тогда он уже точно не прокрадется в нашу деревню, никого не убьет и не растерзает там. Пусть погибнет на месте. Я чувствовала, что рада оборвать волчью жизнь.

Хищник подполз ближе. Его лапы были чуть ли не вдвое крупнее моих рук, неожиданно под одной из них хрустнула веточка. Олениха напряглась и замерла, заозиралась по сторонам. Ее уши настороженно вслушивались в тревожную тишину. Однако ветер дул в нашу с волком сторону, и олениха по-прежнему не чувала смертельных врагов.

Волк опустил голову и присел для прыжка. Его серебристое тело напружинилось и великолепно сливалось со снегом и тенями. Глупая олениха смотрела совсем не туда.

Я глядела то на волка, то на олениху. Зверь был один. Хотя бы в этом мне повезло. Но если волк спугнет олениху, мне не останется ничего, кроме опасного соседства с огромным голодным зверем. Не исключено, что еще и с фэйри. Тогда он вместо оленихи пообедает мною. Если же волк сейчас прыгнет и убьет олениху...

От этих «если» у меня закружилась голова. Стоит ошибиться в расчетах – и моя жизнь добавится к длинной цепи загубленных жизней. Все восемь лет, что я охотилась в лесу, я постоянно рисковала. Но в подавляющем большинстве случаев удача оказывалась на моей стороне.

Волк прыгнул, взлетел серо-бело-черной молнией. Сверкнули желтые клыки. В прыжке зверь показался мне еще крупнее. Настоящее чудо из мускулов, скорости и жестокой силы. У оленихи не было никакой возможности убежать.

Зато у волка была возможность попортить ее шкуру и уменьшить наш запас мяса. И тогда я выстрелила.

Стрела вонзилась ему в бок. Я могла бы поклясться, что земля содрогнулась. Волк взвыл от боли и разжал зубы, выпустив добычу. На снег хлынула ярко-красная кровь.

Волчья морда повернулась ко мне. Шерсть стояла у него дыбом. Желтые глаза округлились. Его глухое рычание отдавалось у меня в животе. Я стремительно вскочила на ноги и приладила вторую стрелу.

Волк всего лишь... смотрел на меня. Его морда была окровавлена, из бока торчала рябиновая стрела. Снова пошел снег, волк не отводил взгляда. Я словно раздвоилась. Одна часть меня сознавала, с кем я имею дело, а вторая удивлялась, что я собираюсь выстрелить снова. Но я выстрелила. На всякий случай. Вдруг этот смысленный взгляд действительно принадлежал бессмертному коварному существу?

Волк даже не пытался пригнуть морду. Стрела вошла ему четко в широкий желтый глаз.

Снег мешал мне смотреть, смазывая яркие краски.

Волк рухнул на снег. У него задержались лапы, он жалобно заскулил. Я не верила своим ушам. Второй выстрел должен был оборвать его жизнь. Стрела пробила ему глаз, вонзившись чуть ли не по самое оперение.

Волк он или фэйри – значения не имело. Особенно когда у него в боку застряла рябиновая стрела. Дрожащими руками я отряхнула снег с лица и приблизилась к волку, остановившись на приличном расстоянии. Из обеих ран хлестала кровь. Снег вокруг волка стал ярко-красным.

Волк царапал когтями снег. Его дыхание слабело и замедлялось. Интересно, ему и впрямь было очень больно или он скулил в попытке отшвырнуть от себя смерть? Я предпочитала этого не знать.

Вокруг нас клубилась поземка. Я смотрела на волка, пока его грудь не перестала вздыматься. Передо мною лежал просто волк, хотя и громадный.

Мне стало легче. Теперь я могла дышать шумно и даже вздыхать, что я и сделала, выпустив облачко пара. Что ж, рябиновая стрела доказала свою смертоносную природу. А уж кого она сразила, не столь важно.

Быстро оглядев олениху, я поняла, что двоих зверей мне не дотащить. Даже ее туша существенно замедлит мое возвращение домой. Но мне было жалко бросать убитого волка. Я понимала, что напрасно растрачиваю драгоценные минуты. Сейчас любой хищник легко учуял бы свежую кровь. И тем не менее я содрала с волка шкуру, вытащила обе стрелы и, как могла, вычистила их.

У меня согрелись руки. Тоже неплохо, учитывая, что я уже с трудом ощущала пальцы. Я обмотала тушу оленихи волчьей шкурой, прикрыв ей рану на шее. Домой мне было еще топать и топать, и цепочка кровавых пятен, тянущаяся за мной, очень скоро превратила бы меня в добычу для любого крупного зверя.

Я взвалила тушу оленихи себе на плечи и в последний раз посмотрела на волчью тушу, лишенную шкуры. От нее шел

пар. Уцелевший желтый глаз смотрел в заснеженное небо, и я вдруг пожалела, что он обращен не ко мне. Тогда бы мертвый взгляд запомнился мне как вечный упрек за содеянное.

Это ощущение быстро прошло. Лес есть лес, и зима есть зима.

Глава 2

Когда я выбралась из леса, солнце уже село. У меня от тяжести и усталости тряслись колени, а руки снова успели заоченеть, причем давно. Даже туша оленихи, прикрывавшая мне спину, не защищала от крепчавшего мороза. Небо стало темно-синим, почти черным. Сквозь ставни нашего ветхого дома пробивались узкие полосы желтоватого света. Мне казалось, что я иду по живой картине, где краски способны меняться на глазах. Пока я подходила к дому, красивый темно-синий цвет неба сменился густым черным.

От усталости и голода у меня закружилась голова. Вместе с полосами света сквозь ставни проникали голоса сестер. Я не вслушивалась, поскольку и так знала темы их разговоров, – наверняка болтали о каком-нибудь приглянувшемся им парне или чьих-то лентах, которые они увидели в деревне. Отец заставлял их колоть дрова, но это занятие моим сестрицам быстро надоедало, и они отправлялись прогуляться и поглазеть на окружающую жизнь. И все же после пережитых опасностей мне было приятно услышать человеческие голоса.

Я подошла к порогу и несколько раз лягнула каменный дверной косяк, отряхивая снег с сапог. Вместе со снегом с серого камня отлетели льдинки, обнажив выцветшие знаки, вырезанные вокруг порога. Это были обереги против фэй-

ри. В свое время через нашу деревню проходил странствующий шарлатан, который утверждал, что владеет искусством делать обереги от злых сил, включая фэйри. Отец уговорил его нанести защитные знаки вокруг нашего порога, расплатившись одной своей резной поделкой. Отец всегда так мало заботился о дочерях, что у меня тогда не хватило духу сказать ему, насколько бесполезны и фальшивы эти знаки. Смертные не владели магией. У них не было той силы и скорости, какой отличались фэйри. Я уж не говорю о фэ – высшем сословии фэйри. А этот шарлатан, нагло утверждавший, будто в жилах его предков текла фэйская кровь, всего-навсего покрыл нам входную дверь и окна разными завитушками, закорючками и якобы древними знаками. Затем, пробормотав какую-то чепуху, которая для моего отца сошла за заклинание, он забрал плату и удалился.

Железная дверная ручка кусалась не хуже змеи. Я толкнула дверь и оказалось там, где тепло и светло. Свет показался мне ослепительно-ярким.

– Фейра! – воскликнула Элайна.

Щурясь от пламени очага, я увидела свою среднюю сестру. Она куталась в одеяло, но ее золотисто-каштановые волосы – то немногое, что роднило меня с сестрами, – были безупречно уложены вокруг головы. Восемь лет нищеты не отбили у нее желания выглядеть привлекательно.

– Где ты это добыла? – спросила она.

В голосе зазвучали голодные интонации. Звериную кровь

на мне Элайна словно не замечала. Я уже давно перестала надеяться, что когда-нибудь они поймут, чем занимается их младшая сестра. Весь день я не просто гуляла по лесу, а охотилась. Пока в доме имелась хоть какая-то еда, сестер совершенно не заботило, каким образом она попадает в нашу кладовую. Умирая, наша мать не взяла с них клятв и обещаний...

Я подошла к столу и сбросила с плеч добычу. Глиняная чашка, что стояла с другого края, обидчиво звякнула.

– А как ты думаешь, где это добывают? – охрипшим голосом спросила я.

Я освободила оленью тушу от волчьей шкуры, затем сняла сапоги и поставила их возле двери.

Карие глаза Элайны, унаследованные от отца, смотрели только на олениху.

– Сколько времени тебе понадобится, чтобы снять шкуру и приготовить мясо? – задала новый вопрос Элайна.

Мне. Не ей. Никому из них. Я ни разу не видела, чтобы сестрицы испачкали руки в крови моих трофеев или помогли бы мне возиться со шкурами. Свежевать туши, выделывать шкуры, готовить мясо – всему этому я училась у чужих людей.

Отец и Неста сидели у очага, грея руки. Моя старшая сестра, как всегда, подчеркнуто не замечала отца. Элайна приклеилась глазами к оленьей туше, ее руки лежали на животе, таком же голодном, как и мой. Я бы не назвала Элайну же-

стокой. Она не такая, как Неста. Та даже родилась с презрительной усмешкой на лице. Но Элайна иногда... не понимала простых вещей. От предложения своей помощи она воздерживалась не по какому-то злому умыслу. Ей не приходило в голову, что и она может испачкать ручки той или иной работой. Я так и не могла для себя решить: Элайна действительно не понимала, что мы живем в нищете, или понимала, но отказывалась это принять? Тем не менее я тратила далеко не лишние деньги, покупая ей семена цветов. Цветочные клумбы – единственное, чем Элайна любила заниматься всегда. Но до теплых дней было еще очень далеко.

Помню, в то лето, когда я потратилась на стрелу, Элайна преподнесла мне подарок: три жестяные баночки с красной, желтой и синей красками. Единственный подарок, который я получала от средней сестры. И он не залежался – следы красок и сейчас еще оставались в нашем доме, хотя успели потускнеть и облупиться. Стены вокруг окон и дверей я расписала плющом и цветами. Камни, окружавшие очаг, – язычками пламени. Все свободные минуты того удивительно лета я наполняла наше убогое жилище цветом. Расписывала комодные ящики, старые занавески, днища стульев. Мои картинки красовались даже под столом.

Это было единственное благодатное лето в нашей деревенской жизни.

– Фейра, девочка моя, – густым баритоном произнес отец, заметивший меня.

Его темная борода была аккуратно подстрижена. Кожа на лице отличалась безупречной гладкостью, как и у моих сестер.

– Надо же, как тебе сегодня повезло. Этого хватит на целый пир.

Неста пренебрежительно фыркнула. Неудивительно! Любая похвала в чей-либо адрес: мой, Элайны, наших односельчан – она воспринимала как оскорбление ее персоны. Добавлю, что любое слово, произнесенное нашим отцом, Неста встречала язвительным замечанием.

Я выпрямила ноющую от усталости спину и без сестринской нежности поглядела на Несту. Из всех нас старшая сестра особенно тяжело пережила крушение прежней жизни. В тот день, когда нам пришлось спешно покинуть особняк, она тихо возненавидела отца. Причиной, заставившей нас это сделать, стала отцовская самонадеянность. Отец задолжал крупную сумму одному человеку с темной репутацией, влезать в долги к которому ему не советовали. Но отец верил, что легко рассчитается с долгами. Я до сих пор не понимаю, на чем держалась его уверенность. Когда расплатиться не получилось, со стороны займодавца последовали угрозы. А потом... займодавец с несколькими громилами явился к нам домой и наглядно показал отцу, что бывает с теми, кто не возвращает долг.

Но в отличие от отца Неста хотя бы не забивала нам голову бессмысленными разговорами о возвращении бывшего богат-

ства. Она преспокойно тратила деньги, которые я не успевала спрятать от нее, и крайне редко удостаивала отца дочерним вниманием. Я и сама не ангел. И у меня случались минуты озлобленности, когда я могла ранить словом. По правде говоря, мы все вели себя не идеальным образом, и иногда это становилось особенно заметно.

– Половина мяса пойдет нам на эту неделю, – сказала я, оглядывая трофей. Туша оленихи занимала почти весь шаткий стол, служивший нам и обеденным, и кухонным, и рабочим. – Вторую половину надо высушить.

Я могла сейчас говорить самые любезные слова, но почти весь груз работы опять ляжет на мои плечи.

– Завтра схожу на рынок и узнаю, сколько можно выручить за шкуры, – добавила я больше для себя, чем для родни.

Отец сидел, выставив покалеченную ногу. Он садился почти возле самого огня: холод, дожди и резкие перепады погоды всегда отзывались на его ранах, окружавших колено. Раны были жуткими, из тех, что мучают до конца жизни. К отцовскому стулу была прислонена палка. Порою Неста отодвигала ее так, чтобы отец не мог дотянуться.

Если это происходило при мне, я шипела на старшую сестру, упрекая ее в бессердечии. «Рук ему никто не ломал. Мог бы поискать себе работу, а не бездельничать», – неизменно отвечала мне Неста. Она ненавидела отца и за увечье, и за то, что он даже не попытался дать отпор заимодавцу и громилам, когда те лупили его по колену.

В тот жуткий день Неста с Элайной тоже не попытались защитить отца. Они бежали в спальню, закрылись на ключ и еще придвинули к двери тяжелый комод. Я осталась и только умоляла пощадить отца. Мои всхлипывания перемежались с его криками и хрустом костей. Я даже обделалась от страха. Потом меня вытошнило на камни перед очагом. Только после этого страшные люди ушли. Больше мы их не видели.

Из тех денег, что у нас тогда были, львиную долю съели врачи и лекарства. Только через полгода отец снова начал ходить. Конечно, о его легком, пружинистом шаге уже не могло быть и речи. Я научилась растягивать оставшиеся деньги и прятать их от сестер. Иногда кто-то из жалости покупал по дешевке одну-две резные поделки отца. Но это была капля в море. Пять лет назад отцовские сбережения полностью истаяли. Отец по-прежнему не мог и не желал искать себе посильную работу. И тогда я объявила, что стану добывать нам пропитание охотой. Отец не возражал.

Мое решение не всколыхнуло его. Он не встал от теплого очага, не оторвал голову от очередной поделки. Отец позволил мне отправиться в густые, полные опасностей леса, которых побаивались даже сильные и опытные охотники. Постепенно в нем проснулись какие-то зачатки заботливости. Иногда он благодарил за принесенную дичь, иногда ковылял в город – продавать свои резные поделки. Но это все, на что он был способен.

– Мне бы не помешал новый плащ, – вздохнула Элайна.

Услышав ее слова, Неста тут же поднялась со стула и объявила:

– А мне нужны новые сапоги.

Я промолчала. Не хватало еще возражать их извечным «хочу» и «нужно». Достаточно было посмотреть на нынешние сапоги Несты. Они стояли у двери, не потерявшие блеска кожи. Зато моя обувь стала мне тесновата и расползалась по швам. Я уже неоднократно латала сапоги, выбирая нитки покрепче.

– Мой плащ совсем старый и больше не греет, – канючила Элайна. – Однажды я превращусь в ледышку и умру.

Умоляющий взгляд сестры устремился на меня.

– Ну пожалуйста, Фейра.

Она умудрялась так растягивать два слога моего имени, что мне становилось тошно. Неста сердито прищелкнула языком и приказала сестре заткнуться.

Я даже слушать не желала перепалку сестер из-за денег, которые завтра заплатят за шкуры. Им почему-то в голову не приходило, что шкуры вначале еще нужно продать. Тем временем отец встал и подошел к столу. Опираясь одной рукой о край стола, он внимательно рассматривал добытую мною олениху. Потом отцовское внимание переместилось на волчью шкуру. Я напряглась, ожидая вопросов. Его пальцы, не потерявшие аристократической мягкости, отвернули край шкуры и прошлись по окровавленной изнанке.

– Фейра, а это откуда? – спросил отец, неодобрительно

поджав губы.

– Оттуда же, откуда и олениха, – ответила я.

Я старалась говорить спокойно, но мои слова прозвучали резко и холодно.

Отцовский взгляд скользнул по луку и колчану со стрелами, все еще остававшимся у меня за спиной. Потом отец выразительно посмотрел на охотничий нож, и его глаза подернулись влагой.

– Фейра... это очень рискованно.

Я вздернула подбородок и огрызнулась:

– А у меня выбора не было!

Я не хотела рывкать, так получилось. На самом деле на языке крутились другие слова: «Как еще нам добывать пропитание? Ты почти безвылазно сидишь дома. Если бы не моя охота, мы все давно бы померли с голоду».

– Фейра, – повторил отец и закрыл глаза.

Сестры затихли. Я повернулась к ним и увидела презрительно сморщенный нос Несты.

– От тебя воняет, как от свиньи, извалявшейся в навозной жиже, – заявила старшая сестра, косясь на мой плащ. – Неужели тебе трудно хотя бы попытаться не выглядеть как невежественная крестьянская девка?

Неста умела больно бить словами и знала, куда нанести удар. Но я не подала виду, что удар достиг цели и мне больно. Я была слишком мала и успела усвоить лишь самые азы хороших манер, чтения и письма. Потом наша семья разо-

рилась, и отцу стало не до моего образования. Тем не менее Неста не упускала возможности напомнить мне об этом.

Неста отошла. Она не могла стоять рядом с «вонючей свиной», в очередной раз спасшей ее и остальных от голодной смерти.

– Сними эту отвратительную одежду, – потребовала она, водя пальчиком по своей золотисто-каштановой косе.

Я могла бы ответить, но сдержалась. Неста была старше меня на три года, а ухитрялась выглядеть моложе, и на ее щечках всегда играл красивый розовый румянец.

– Подбрось-ка лучше дров в очаг и согрей котел воды, – сказала я.

Какие там дрова! Рядом с очагом лежало всего одно полено.

– Я думала, что хотя бы сегодня ты наколешь дров.

Неста разглядывала свои длинные чистенькие ноготки.

– Ненавижу колоть дрова. От них у меня занозы.

Ох уж этот презрительный взгляд из-под темных ресниц! Неста больше, чем мы с Элайной, походила на покойную мать.

– И потом, – кривя губки, продолжала она, – у тебя это получается вдвое быстрее. И твои руки лучше приспособлены к такой работе. Они успели огрубеть.

Я стиснула зубы. Меньше всего сейчас хотелось затевать ссору, но в душе у меня все бурлило.

– Завтра изволь встать с зарею и наколоть дров, – сказа-

ла я, расстегивая верхнюю пуговицу охотничьего костюма, — иначе всех нас ждет холодный завтрак.

— И не подумаю! — хмуря брови, бросила мне Неста.

Но я уже двинулась во вторую комнатку, которую делила с сестрами. Элайна шепотом попыталась урезонить Несту, получив очередную порцию ее яда.

— Достань разделочные ножи, — сказала я отцу, не утруждая себя учтивыми речами. — Я сейчас переоденусь и приду.

Не дожидаясь ответа, я вошла в комнату и плотно закрыла дверь.

В «девичьей» помещались лишь ветхий комод и громадная кровать из крепкой древесины, на которой мы спали вдвоем. Кровать была единственной вещью, напоминавшей о нашем исчезнувшем благосостоянии. Отец преподнес ее нашей матери в подарок на свадьбу. На этой кровати родились все мы, на ней же умерла мать. У меня рука не поднялась что-нибудь нарисовать на поверхности кровати.

Верхнюю одежду я запихнула в нижний скрипучий ящик комода. Вокруг бронзовой ручки ящика Элайны я в свое время нарисовала розы и фиалки. Ящик Несты украшали языки пламени. На своем я изобразила ночное небо с рассыпями желтых звезд. Белой краски у меня не было, а так хотелось сделать нашу мрачную комнату чуточку веселее. Сестры молча приняли мои художества. Сама не знаю, почему я ждала их отклика?

Больше всего мне сейчас хотелось повалиться на кровать

и уснуть. Но кто тогда приготовит ужин? Постанывая от усталости, я переоделась и покинула комнату.

* * *

Сегодня мы ужинали жареной олениной. Я не возражала, когда каждый из нас положил себе добавки, но потом спохватилась и сказала, что мясо нужно растянуть на несколько дней. Завтра я полностью разделаю тушу. Как я уже говорила, половина мяса пойдет нам на ближайшие дни, а остальное я высушу. Потом займусь выделкой шкур, прежде чем нести их на рынок. Я знала нескольких торговцев, которые охотно купят у меня шкуры, но вряд ли заплатят за них настоящие деньги. И все равно это лучше, чем ничего. Возможно, в крупном городе мне дали бы больше, однако туда еще надо добраться. Вот такой расклад.

Я дочиста облизала вилку, наслаждаясь остатками оленьего жира, застрявшего между кривых, щербатых зубьев. Порою я о них обдирала язык. Мы довольствовались тем, что отец сумел взять в комнате слуг, пока заимодавцы и судейские рыскали по нашему особняку, описывая имущество. Среди наших ложек и вилок не найдешь двух одинаковых, но уж лучше такие, чем есть мясо руками. Столовые приборы из материнского приданого мы давным-давно продали.

Я хорошо помнила мать. С нами она держалась холодно и величественно, словно королева. С гостями, которые бы-

вали в нашем особняке чуть ли не ежедневно, была веселой и остроумной. Перед отцом могла ходить на задних лапках. Это был единственный человек, которого она любила и уважала. Помимо отца, мать самозабвенно любила празднества. На них она тратила все время. Мне от ее внимания доставались лишь жалкие крохи. Мать благосклонно взидала на мое увлечение рисованием, однако не делала попыток всерьез учить меня живописи. Да и всему остальному тоже. Вероятно, думала, что моя тяга к искусству в дальнейшем поможет мне удачно выйти замуж. Доживи она до нашего краха, нищета подкосила бы ее сильнее, чем отца. Быть может, судьба смилостивилась над ней, забрав из этого мира.

И как бы жестоко это ни звучало, в нашем нынешнем положении мать стала бы лишним ртом.

Из осязаемых вещей, связанных с нею, осталась кровать. Из неосязаемых – клятва, которую я принесла, когда она умирала.

Всякий раз, когда я смотрела на горизонт; всякий раз, когда мне хотелось идти и идти, не оглядываясь, я слышала обещание, данное матери одиннадцать лет назад. «Обещай мне, что вы будете держаться вместе и что ты позаботишься о них». Я пообещала, даже не спросив, почему она попросила об этом меня, а не отца и старших дочерей. Увы, я тогда была слишком мала для подобных вопросов. Я не просто пообещала. Поклялась. А в нашем жалком мире смертных людей обещание – это все. Сам мир держался на обещании,

которое пятьсот лет назад дали людям верховные правители народа фэ. В мире, где мы давно позабыли имена своих богов, обещание было законом, деньгами, связующей силой.

Иногда я ненавидела мать за то, что она взяла с меня столь тяжелое обещание. Возможно, мозг ее был затуманен лихорадкой и она сама не понимала, чего требует. Или наоборот, близящаяся смерть показала ей истинную природу ее мужа и старших дочерей.

Я положила дочиста облизанную вилку и вытянула усталые ноги. В очаге догорали последние поленья. Зато болтовня моих сестер после сытного ужина вспыхнула с новой силой. Как всегда, Неста упрекала односельчан за отсутствие хороших манер и неумение говорить учтивые слова. Потом им досталось за дурной вкус по части тканей. Странствующие торговцы сбывали им разную дрянь, а эти простак и особенно простушки верили, будто покупают тончайший шелк и шифон. С тех пор как мы обеднели, прежние друзья отца и подруги моих сестер забыли о нашем существовании. И теперь сестры вели себя так, словно вынуждены довольствоваться второсортным обществом местных крестьянских парней.

Я глотала горячую воду из кружки – денег на чай у нас не было – и вполуха прислушивалась к словам Несты.

– И тогда я ему сказала: «Любезный сударь! Учитывая безразличие, с каким ты высказываешь свою просьбу, я ее, естественно, отклоню!» Знаешь, что мне на это ответил Ти-

мас?

Неста обращалась к Элайне, внимавшей с раскрытым ртом. Отец, как всегда погруженный в туман воспоминаний, не прислушивался, а лишь благосклонно улыбался своей любимой Элайне. Единственной из дочерей, которая удостаивала его разговорами.

– Не о Тимасе ли Мандрэ речь? – перебила я Несту. – Помнится, он – средний сын здешнего дровосека.

Серо-голубые глаза Несты сощурились.

– О нем, – коротко ответила она и вновь повернулась к Элайне.

– И чего же он хочет? – спросила я и поглядела на отца.

Ни малейших признаков тревоги. Казалось, он вообще не прислушивается к болтовне дочерей.

– Он хочет жениться на Несте, – мечтательно произнесла Элайна.

Я удивленно заморгала, а Неста вскинула голову. Знакомое движение. Так вели себя хищники. Быть может, стальная твердость и неуступчивость ее характера обеспечили бы нам лучшие условия жизни? При ее хватке мы, пожалуй, даже смогли бы снова разбогатеть. Но Неста продолжала оплакивать наше бывшее положение в обществе, а его – плачь не плачь – уже не вернешь.

– Тебе-то что, Фейра?

Мое имя в ее устах прозвучало как оскорбление. Я до боли стиснула челюсти.

Отец сел вполоборота к нам. Обижаться на ее шпильки – ужасно глупо. Глупо было вообще ей отвечать, однако я не сдержалась:

– Колоть дрова для нашей семьи тебе в тягость, но при этом ты собираешься замуж за сына дровосека?

Неста расправила плечи:

– По-моему, ты спишь и видишь, как бы поскорее спроводить нас с Элайной замуж. Тогда у тебя будет вдосталь времени, чтобы малевать свои бесподобные шедевры.

Она презрительно фыркнула, глядя на гирлянду цветков наперстянки, которую я изобразила вдоль кромки стола. Цвет колокольчиков получился слишком темным и излишне синим. Хуже всего, что отсутствие белой краски не позволило мне нарисовать белые тычинки внутри колокольчиков. Мне самой было не по себе от ущербной росписи, но не соскребать же ее теперь.

Я пропустила слова Несты мимо ушей, хотя мне отчаянно хотелось прикрыть мой живописный позор рукой. Завтра, когда буду выделывать шкуры, незаметно соскребу чертовы наперстянки.

– Честное слово, Неста, я действительно хочу, чтобы ты вышла замуж. Я даже готова отвести тебя в дом твоего избранника и вручить его заботам. Но за Тимаса ты не выйдешь.

Ноздри Несты слегка раздулись.

– Ты не сможешь этому помешать. Не далее как сегодня

Клера Бадор сказала, что Тимас со дня на день сделает мне предложение. И тогда мне больше не придется растягивать мясо на несколько дней.

Глядя на меня, она усмехнулась и добавила:

– Во всяком случае, мне не надо будет, словно похотливой самке, кувыркаться на сене с Икасом Хэлом.

Отец смущенно кашлянул и уставился на свою койку, тоже стоявшую возле очага. Он никогда не возражал Несте, быть может, из страха или из чувства вины. Отец и сейчас не собирался ей ничего говорить, даже если впервые услышал об Икасе.

Мои ладони покоились на столе. Я буравила глазами Несту. Элайна же быстренько убрала со стола свои фарфоровые ручки, словно грязь и кровь у меня под ногтями могли перескочить на ее нежную кожу.

– Семья Тимаса лишь чуть побогаче нашей. – Я пыталась не рычать. – Ты там окажешься лишним ртом, но отнюдь не лишней парой рабочих рук. Если Тимасу это невдомек, его родители должны понимать.

Тимас это тоже знал. Мы не раз сталкивались с ним в лесу. Я помню голодный блеск в его глазах, когда он заметил, как я проверяю кроличьи силки. Я в жизни не убила ни одного человека, но в тот день отчетливо почувствовала тяжесть охотничьего ножа на поясе. С тех пор я старалась держаться от Тимаса подальше.

– Нам даже не из чего собрать тебе приданое, – продол-

жала я. Мой голос звучал по-прежнему твердо, но уже спокойнее. – И за Элайной тоже нечего дать.

Если Неста решила покинуть отчий дом – скатертью дорожка. Пусть выходит замуж, а я окажусь на шаг ближе к своему прекрасному будущему. Оно виделось мне так: тишина в доме, в досталь еды и времени на живопись. Но женихам не очень-то нравились бесприданницы, так что Неста и Элайна заблуждались насчет вереницы сватов.

– Мы с Тимасом любим друг друга, – объявила Неста.

Элайна закивала, подтверждая слова сестры. Я едва сдерживала смех. И когда это мои сестрицы успели позабыть о вздохах по сынкам из семей знати и обратить томные взоры на крестьянских парней?

– Любовью пузо не прокормишь, – возразила я, стараясь сохранять непреклонное выражение лица.

Неста вскочила со скамьи так, будто я дала ей пощечину.

– Ты просто ревнуешь. Я слышала, что Икас собирается жениться на девчонке из Зеленополья. За нею дают богатое приданое.

Я это тоже слышала. Икас сам хвастался мне, когда мы с ним виделись последний раз.

– Завидую? – переспросила я, стремясь поглубже спрятать охватившую меня ярость. – Я трезво смотрю на вещи. Повторяю: вы обе – бесприданницы. Да и скота у нас нет, чтобы предложить семье жениха. Быть может, Тимас и хочет на тебе жениться, но ты-то для него... обуза.

– Да что ты понимаешь в жизни? В любви? – выдохнула Неста. – Полудикарка, которая только и умеет раздавать приказы днем и ночью. Продолжай в том же духе, Фейра. А знаешь, чем это кончится? Ты проживешь свою жизнь рыскающая по лесам, и потом никто о тебе даже не вспомнит.

Неста стремительно вышла из комнаты. Элайна поспешила следом, пытаясь утешить сестру. Дверь за ними шумно захлопнулась, от порыва ветра звякнули миски на столе.

Эти слова я уже слышала от нее. Неста повторяла их лишь потому, что в первый раз они ощутимо задели меня. Вообще-то, и сейчас обжигали.

Я приложилась к щербатой кружке. Вода успела остыть. Скамейка под отцом скрипнула. Я сделала еще глоток и сказала отцу:

– Урезонил бы ты свою старшую дочку.

Отец разглядывал подпалину на поверхности стола.

– Что я могу сказать? Если это любовь...

– О чем ты говоришь? Не может это быть любовью. Во всяком случае, не со стороны Тимаса. И не со стороны его убогой семьи. Я видела, как Тимас относится к другим деревенским девчонкам. Ему от Несты нужна вовсе не рука и уж тем более не сердце, а...

– Надежда нужна нам не меньше хлеба и мяса, – перебил меня отец. Глаза его вспыхнули, что бывало очень редко. – Без надежды нам не выдержать. Не отнимай у нее надежду. Пусть Неста надеется на лучшую жизнь. На лучший мир.

Сжав кулаки, я встала из-за стола. Мне хотелось убежать, но куда? В хижине всего две комнаты. Мой взгляд снова упал на выцветшую гирлянду наперстянки, тянущуюся вдоль кромки стола. Внешние колокольчики цветков уже потрескались и сильно потускнели. Нижняя часть стебля вообще стерлась. Через несколько лет сотрется и вся гирлянда, как будто ее и не было. Как будто не было и меня, ее создательницы.

– Нет никакого лучшего мира, – возразила я, сурово глядя на отца.

Глава 3

Снег на дороге, что уводила из нашей деревни, был утоптан. Проезжающие телеги и лошади оставляли на нем следы, в основном черные и коричневые. Неста и Элайна недовольно цокали языками и морщились, вынужденные то и дело огибать комья грязи и навозные кучи. Я знала, почему обе сорвались с места. Едва увидев, как я укладываю в заплечный мешок выделанные шкуры, сестрицы мигом оделись и молча увязались за мною.

Мои вчерашние слова их обидели. А поскольку обе не желали со мной общаться, я тоже замолчала. Между тем Неста все-таки проснулась рано утром и наколола дров. О причинах такого подвига я догадывалась. Она знала, что сегодня я продам шкуры и вернусь с деньгами. Так мы и шли по пустой дороге, которая вилась между заснеженных полей, направляясь в городишко.

По правде говоря, городишко этот был такой же деревней, только побольше. Все его каменные строения отличались унылой однообразностью. Белизна зимних оттенков лишь усугубляла эту одинаковость. Но сегодня в городишке базарный день, а значит сюда съедутся и сойдутся торговцы и покупатели, рискнувшие высунуть нос за порог.

На подходе к рынку в ноздри ударил дразнящий запах горячей пищи, приправленной специями, о которых я смут-

но помнила по раннему детству. Запах манил, дразнил, уговаривал. Элайна тихо скулила у меня за спиной. Пряности, солености и сласти были недостижимой роскошью для большинства жителей нашей деревни. В первую очередь – для нас.

Если я выгодно продам шкуры, то, быть может, и раскошелюсь на что-то вкусненькое. Решив взбодрить этим моих капризных сестер, я обернулась, но не успела даже рта раскрыть, как на нас из-за угла вылетела молодая женщина в белесых одеждах. Просто чудо, что мы с нею не столкнулись в лоб.

– Да воссияет бессмертный свет над вами, сестры мои, – произнесла женщина, преграждая нам путь.

Неста и Элайна сердито цокнули языками. Я чуть не застонала от досады: только этих сладкоголосых не хватало! «Дети благословенных». И принесло же их как раз сегодня, чтобы в базарный день одинаково мешать и злить продавцов и покупателей. Старейшины городишки не жаловали эту публику, пускали на два-три часа, а потом выпроваживали. Само присутствие фанатичных глупцов, которые все еще поклонялись верховным фэйским правителям, настораживало и раздражало людей. Мне стало противно. Когда-то фэйская знать правила и людьми, но богами они не были, да и правление их не отличалось добротой.

Женщина простерла к нам белые, с легким голубоватым оттенком руки – в знак приветствия. На одной руке у нее

красовался браслет с колокольчиками из настоящего серебра. Колокольчики тихо позвякивали.

– Найдется ли у вас несколько свободных минут, дабы выслушать слово благословенных?

Приверженка оказалась совсем молодой. Возможно, ровесница Несты.

– Не найдется, – с язвительной ухмылкой ответила ей Неста и локтем пихнула Элайну, чтобы та не разевала рот. – Некогда нам.

Послушница. Так называли тех, кто занимался самым неблагоприятным делом – взывал к глухим ушам вроде наших. У нее были блестящие темные волосы, не стянутые лентой. Чистое лицо, сверкающее от усердия, сладкая улыбка. Позади нее толклись еще пять или шесть послушников обоего пола, у всех – длинные волосы. Послушники внимательно оглядывали рынок, ища молодежь вроде нас. Еще одна разновидность хищников, высматривающих добычу.

– Я займу у вас не больше двух минут, – заявила послушница, снова загораживая Несте дорогу.

Это надо было видеть. Неста выпрямилась во весь рост, расправила плечи и смирila послушницу взглядом королевы... правда, без трона.

– Ищи дураков и им втемяшивай ваш фанатичный бред. Нас на свою удочку ты не поймаешь.

Послушница сжалась. Ее карие глаза вспыхнули. Я старалась не выказывать своего отвращения. Разумнее всего бы-

ло бы отговориться спешкой и уйти. Если сильно заденешь «Детей благословенных», потом сам не рад будешь. Весь их пыл и жар изольется на тебя.

Неста подняла руку, отогнула рукав и показала послушнице железный браслет. Такой же был и на руке Элайны – несколько лет назад сестры купили одинаковые украшения. Послушница чуть не вскрикнула, глядя округлившимися глазами.

– Это ты видела? – спросила Неста, надвигаясь на послушницу, та отступила. – Вот какие браслеты нужно вам носить, а не серебряные колокольчики, притягивающие фэйских чудовищ.

– Как ты осмеливаешься щеголять столь неслыханным оскорблением наших бессмертных друзей!..

– Поищите другое место для ваших бредней!

Мимо нас, держась за руки, прошли две пухленькие милovidные крестьянки. Как и мы, они направлялись на рынок. Стоило им увидеть послушников, добродушные лица исказились презрительной гримасой.

– Шлюха-обожательница, вот ты кто! – бросила одна послушнице.

Я целиком согласилась с пышечкой.

Послушники молчали. Подошла еще одна женщина, похоже жительница городишки. Видно, что из состоятельных, – на шее у нее красовалось витое железное ожерелье. При виде послушников женщина сощурилась и оскалила зубы.

– Идиоты! Неужели вы так и не поняли, какие ужасы творили эти чудища сотни лет подряд? Они и сейчас не прочь убить человека забавы ради, если сами сумеют улизнуть. Желаю вам попасть в руки фэйцев. Другой судьбы вы не заслуживаете, глупцы и шлюхи!

Неста кивнула, соглашаясь с женщинами, а те пошли дальше. Настырная же послушница и не думала уходить. Теперь даже Элайна сердито поморщилась.

Но послушница лишь набрала в легкие побольше воздуха. Ее лицо вновь стало безмятежным, и она заговорила:

– Сестры мои! Я не сержусь ни на вас, ни на тех троих. Я сама долго жила в невежестве, пока не услышала слово благословенных. Я выросла в городке, похожем на этот. Жизнь моя была серой и унылой. Но меньше месяца назад подруга моей двоюродной сестры отправилась к границе Притиании, дабы послужить живым приношением. Она не вернулась. Думаете, погибла? Нет. Она живет в полном достатке, поскольку теперь она – невеста знатного фэйца. И вас может ожидать такая же судьба, если не пожалеете нескольких...

– Скорее всего, подружку твоей сестры попросту съели, – возразила Неста. – Потому и не вернулась.

«Или что похуже», – подумалось мне. Никого из людей верховные правители Притиании просто так не допускали в свои земли. К счастью, мне самой не доводилось сталкиваться с этими жестокими существами, лишь отдаленно похожими на нас. Они правили Притианией. Помимо них, там

жил еще один народ – фэйри. У тех были чешуйчатые тела, крылья и невероятно длинные тонкие руки, способные утащить человека глубоко под землю. Даже не знаю, какой конец ужаснее: оказаться под землей или попасть к хозяевам Притиании.

Лицо послушницы напряглось.

– Наши милосердные господа даже в мыслях не допускают жестокого обращения с людьми. Притиания – страна мира и изобилия. Если бы они благословили вас своим вниманием, вы были бы рады жить среди них.

Неста выпучила глаза. Элайна беспокойно поглядывала то на нас, то на рынок. Вокруг уже собирались зеваки. Пора заканчивать этот балаган. Одежды послушницы были не белевыми, а бледно-голубыми – чистенькими, как и ее кожа, нигде ни пятнышка.

– Тяжелое сражение ты выбрала, – сказала я ей.

– За достойное дело, – лучезарно улыбнулась послушница.

Я подтолкнула Несту, чтобы шла дальше.

– В нем нет ничего достойного, – бросила я послушнице и двинулась прочь.

Толпа послушников глядела нам в спину, но я не оборачивалась. Убедившись, что здесь их не хотят слушать, «благословенные» отправятся дальше. Главное, не столкнуться с ними снова, когда будем возвращаться.

Мои сестры никак не могли успокоиться. Элайна сердито

морщилась. Глаза Несты дико сверкали, а губы вытянулись ниточкой. Неужели у нее хватит ума догнать послушницу и снова сцепиться?

Впрочем, сейчас это не важно.

– Встретимся через час, – объявила я сестрам и скрылась на людной площади, не позволив им увязаться за мной.

Прошло минут десять, и я уже знала, кому предложить шкуры. Во-первых, местному сапожнику с морщинистым лицом. Во-вторых, остроглазому портному, приезжавшему сюда из соседнего города. Они не впервые покупали у меня. Третьей возможной покупательницей была женщина могучего телосложения. Настоящая гора. Она сидела на краю чаши сломанного фонтана, рядом не наблюдалось ни лотка, ни тележки. Зато обилие шрамов и оружия сразу выдавали род ее занятий. Наемница.

Сапожник и портной во все глаза смотрели на меня, что не мешало им изображать безразличие. Так я вам и поверила! Им хотелось поскорее узнать, каким товаром набит сегодня мой заплечный мешок. Прекрасно. Значит, можно поторговаться.

Я подошла к наемнице. Ее густые темные волосы были довольно коротко подстрижены, оканчиваясь где-то на уровне подбородка. Смуглое лицо казалось высеченным из гранита. Увидев меня, наемница прищурила темные глаза. Какой интересный у них цвет! Я приняла их за черные и ошиблась. Глаза этой женщины сотканы из множества оттенков

коричневого. Я отодвинула подальше ту часть собственного разума, которая на все смотрела с позиции художника, оценивая цвет, форму и освещенность, и двинулась к наемнице, широко расправив плечи. Кого она видела во мне? Быть может, ту, кому понадобились услуги наемницы? Опасности для нее я не представляла. Далеко не каждый мужчина отважился бы задеть особу с такой недюжинной силой и зловеще поблескивающим арсеналом кинжалов и ножей. Я подошла не вплотную, а остановилась на некотором расстоянии.

– Я не беру за свои услуги натурой. Если что нужно, плати звонкой монетой.

Говорила она с акцентом, которого прежде я не слышала. Несколько местных жителей усиленно делали вид, что не прислушиваются к нашему разговору, особенно после моих ответных слов:

– Тогда тебе вряд ли повезет в здешних краях.

Даже сидя она была на голову выше меня.

– В таком случае что тебе, девчонка, от меня надо?

Ей самой, наверное, от двадцати пяти до тридцати, но я, в своем куцем плаще, отошавшая от постоянного недоедания, казалась наемнице девчонкой.

– Я принесла на продажу пару шкур: оленью и волчью. Может, они тебе понравятся и ты их купишь.

– Шкуры поди ukrала?

– Нет, – возразила я, выдерживая ее взгляд. – Добыла на охоте. Клянусь.

Темные глаза наемницы вновь проехались по мне.

– Как?

Ее «как» прозвучало не столько вопросом, сколько приказом. Возможно, наемнице попадались те, кто не видел в клятвах ничего священного и легко бросался словами. И она наказывала их подобающим образом.

Я во всех подробностях рассказала, каким образом добыла шкуры. Едва я закончила, ее рука потянулась к моему мешку.

– Дай-ка на них взглянуть.

Я достала бережно сложенные шкуры.

– А ты не соврала. Волчище и впрямь был громадным, – пробормотала наемница. – Да и на фэйри не похож.

Чувствовалось, женщина понимала толк в шкурах. Глазами знатока она осмотрела мех, погладила его и потрогала изнанку каждой шкуры. Наконец сказала, что берет обе, и назвала цену.

Я оторопела, но постаралась скрыть удивление. Цена, названная наемницей, в несколько раз превосходила ту, что я рассчитывала получить за шкуры. Я молча смотрела на щедрую покупательницу.

Наемница тоже смотрела, но не на меня. Поверх моей головы.

– Те две девки – твои сестры? Волосы у вас одинаковые. И жрать вам троим постоянно хочется. Плохо у вас с харчами.

Мои сестрицы умирали от желания подслушать наш раз-

говор и пытались сделать это незаметно. У них ничего не получалось.

Последняя фраза наемницы задела мое самолюбие, и я сказала:

– А вот в жалости твоей я не нуждаюсь.

– Само собой, не нуждаешься. Зато мои денежки тебе ой как нужны. А сегодня торговлишка хилая. Сбили ее эти чертовы послушницы с телячьими глазами.

Женщина кивком указала на «Детей благословенных». Те продолжали звенеть серебряными колокольчиками и ловить всякого, кто оказывался у них на пути.

– Ну так как, девка, продашь мне свои шкуры?

– А почему вдруг такая высокая цена? – спросила я, сознавая, насколько глуп и неуместен мой вопрос.

Я думала, наемница ответит что-нибудь вроде: «Хочешь поменьше – давай сбавлю». Но она лишь пожала плечами и слегка улыбнулась:

– Мне когда-то тоже помогли. Нашей семье тогда очень тяжело было. Вот я и решила, что настал мой черед помогать.

Я задумалась над ее словами.

– А знаешь, у меня отец режет по дереву красивые вещицы. Я могу добавить их к шкурам. Так честнее будет.

– Я странствую налегке. Надобности в безделушках у меня нет. А вот твои шкуры, – она снова провела рукой по волчьему меху, – избавили бы меня от необходимости охотиться самой.

Я кивнула, чувствуя, как краснеют мои щеки. Наемница полезла внутрь своего тяжелого мехового плаща и достала увесистый кошелек. Я плохо различаю монеты по звуку, но в этом кошельке хватало серебряных и даже золотых. В наших краях наемники получали щедрую плату.

Наши края были весьма скромных размеров и очень бедными. На содержание постоянной армии, размещенной вдоль Стены, отделявшей нас от Притиании, у властей не хватило бы средств. Простым людям оставалось лишь уповать на силу Соглашения, заключенного пятьсот лет назад. Но отдельные богатые семьи могли себе позволить услуги наемников для защиты своих земель, граничащих с миром бессмертных. По правде говоря, это была лишь видимость защиты, сродни оберегам на порогах хижин. В сознании бедных и богатых давно укоренилась непреложная истина: бороться с фэйри бессмысленно и смертельно опасно. В каком бы сословии ни рождались дети, им с колыбели внушали страх перед фэйри. Об этом повествовали многие сказки. Это подросшие ребятишки слышали, приходя в школу. Фэйцы были еще опаснее, чем фэйри. Фэец мог с расстояния в двести локтей испепелить человека. К счастью, мы с сестрами никогда не видели ни фэйцев, ни фэйри.

И все-таки людям хотелось верить в существование амулетов и заговоров, способных уберечь от внезапной встречи с бессмертными злодеями. Всем этим торговали несколько лотков на рынке, там имелись и амулеты, и дощечки с за-

говорами. Особенно ценились кусочки железа. Я бы не стала тратить деньги на подобные штучки. Если они и вправду помогают, то принесут лишь несколько дополнительных минут на подготовку. К чему? К смерти, поскольку от фэйцев не убежишь. Я уже не говорю о попытках сражаться с ними. Однако Неста и Элайна, выходя из дому, всегда надевали железные браслеты. У Икаса вообще была целая железная манжета на запястье, под рукавом рубашки. Как-то он предлагал купить такую же и для меня, но я отказалась. Подарок-то подарком, но я бы постоянно ощущала необходимость отплатить... И потом, эта железная штучка служила бы назойливым напоминанием о наших отношениях, которых как не было, так и нет.

Наемница переложила деньги в мою протянутую ладонь. Я тут же спрятала монеты в карман, который стал тяжелым, словно жернов. Конечно же, глазастые сестрицы заметили, сколько монет отвалила мне наемница, и уже придумывали, как бы уговорить меня поделиться с ними.

Я поблагодарила наемницу, так и не сумев убрать из голоса интонации горечи и сарказма. Сестры стронулись с места. Их тянуло на дармовые деньги, как стервятников – на падаль.

– Хочу дать тебе совет, как охотница охотнице, – сказала наемница, поглаживая волчью шкуру.

Я вопросительно подняла брови.

– Далеко в лес не ходи. Я бы не рискнула сунуться туда, где

ты позавчера охотилась. И не из-за громадного волка. Что волк? Зверь, да и только. Я все чаще слышу рассказы про тех тварей. Они проскальзывают через Стену в наш мир.

У меня по спине поползли мурашки.

– Никак собираются напасть на наш край?

Если это правда, я бы не стала дожидаться, пока бессмертные твари хлынут на наши земли из-за невидимой Стены, разделяющей миры. Я бы нашла способ увезти родню подальше на юг, где не так сыро и не так опасно.

В далеком прошлом люди были рабами у фэйских правителей, и рабство длилось не одну тысячу лет. Люди потом и кровью создавали для жестоких хозяев прекрасный, величественный мир, строили красивые храмы для их кровожадных богов. Но однажды терпение людей лопнуло, и они подняли восстание. Мятеж быстро охватил все земли, началась невероятно кровавая и разрушительная война. В исторических хрониках ее так и называют – Война. Чтобы прекратить бойню, людям пришлось отдать фэйцам шестерых смертных королев. Только тогда было заключено Соглашение и возведена Стена, разделившая два мира. Все лучшие земли севера достались фэйцам и фэйри. Людей оттеснили на юг. Фэйцы и фэйри забрали с собой всю магию, вынудив смертных в поте лица добывать скудный хлеб свой.

– Никто не знает фэйских замыслов, – ответила наемница, лицо которой вновь стало каменным. – Может, у верховных правителей ослабли поводки и часть их зверья сорвалась. А

может, решили окончательно уничтожить людей. Я служила у одного богатого, знатного старика. Он говорил, что за последние полвека все стало только хуже. Пару недель назад он сел на корабль и уплыл на юг. И мне посоветовал не мешкать, если мозгов хватает. Накануне отъезда он получил жуткую весть от своего давнего друга. Тот писал, что под покровом ночи стая мартаксов пересекла Стену и уничтожила половину деревни вблизи его усадьбы.

– Мартаксов? – переспросила я, и меня вновь зазнобило.

Я знала, что у фэйри есть разные породы. Про мартаксов только слышала, не представляя, как они выглядят. Когда я спросила у наемницы, ее удивительные глаза хищно вспыхнули.

– Туловище большое, как у медведя, голова напоминает львиную. И три ряда зубов поострее акульих. По жестокости превосходят медведя, льва и акулу, вместе взятых. Мой бывший хозяин читал мне письмо. Сонных людей мартаксы искромсали в клочья.

У меня свело живот. Не от голода. От страха. Я посмотрела на болтающих сестер. Красивые и хрупкие живые куклы, искромсать таких в клочья – секундное дело. Людям против мартаксов не выстоять. До чего же глупы эти «Дети благословенных»! Хотела бы я видеть, как повела бы себя сладкоречивая послушница, оказавшись один на один с мартаксом.

– Так что покуда все теряются в догадках, – продолжала наемница, – мне грех жаловаться. Предложений – выше го-

ловы. А тебе еще раз говорю: держись от Стены подальше. Если кто из верховных фэйских правителей затевает набег на здешние земли... в сравнении с ними мартаксы нам дворовыми псами покажутся.

Я смотрела на потрескавшиеся от мороза, испещренные шрамами руки наемницы.

– Скажи, а фэйри других пород ты тоже видела?

Ее глаза превратились в щелочки.

– Лучше тебе не знать, девка, не то твое пузо вывернет все, чем ты его с утра набила.

Мне уже было не по себе. Я злилась на свое любопытство, но все же спросила:

– Неужели есть кто-то страшнее и опаснее мартаксов?

Женщина молча закатала рукав мехового плаща. Ее смуглую, мускулистую руку покрывали ужасающего вида шрамы. Их цепочка очень напоминала...

– Эта тварь была помельче мартакса и не такая свирепая. Зато ее укус впрыснул в меня яд. Целых два месяца я лежала в лежку и потом еще четыре набиралась сил.

Решив показать мне все, наемница нагнулась и завернула левую штанину. У нее была красивая, сильная нога. Станный узор на ноге тоже по-своему красив, но у меня внутри все заледенело от ужаса. По смуглой коже тянулась черная паутина, похожая на грязный иней.

– Лекарь сказал, что против такого яда никаких снадобий нет. Мне еще повезло, раз яд не мешает ходить. Пока не ме-

шает. Что будет потом... лекарь честно признался: он понятия не имеет. Может, сразу помру от этого яда. А может, какой стану. Одно утешение: я все-таки убила ту тварь.

Я едва ощущала собственные ноги. Наемница молча опустила штанину, потом рукав. Если кто из невольных зрителей видел жуткое зрелище, говорить не решался, а уж тем более подходить ближе. Я решила, что и с меня на сегодня хватит, и попятилась, пытаюсь совладать с услышанным и увиденным.

– Спасибо за предостережения, – сказала я наемнице.

Она снова посмотрела мне за спину и улыбнулась одними губами:

– Удачи тебе, девка.

Изящные пальцы старшей сестры дернули меня за рукав и потащили прочь.

– Они такие опасные, – шипела Неста, все дальше оттаскивая меня от наемницы. – Больше никогда к ним не подходи.

Я взглянула на нее, потом на Элайну. Лицо средней сестры побледнело и вытянулось.

– Вы собрались мне о чем-то рассказать? – тихо спросила я.

Уже и не помню, когда в последний раз Неста меня о чем-то предупреждала. Помимо собственной персоны, она снисходила разве что до заботы об Элайне.

– Эти наемники – жуткие чудовища. Им ничего не стоит

отобрать у человека последние деньги. Добром не отдаст – заберут силой.

Я обернулась. Наемница по-прежнему разглядывала купленные шкуры.

– Никак она успела тебя ограбить?

– Речь не об этой, – шепотом возразила Элайна. – Наткнулись мы на одного. Денег у нас было – два-три жалких медяка. Он как увидел деньги – просто спятил. Решил, что остальные мы где-то прячем.

– А почему вы властям не заявили? Мне почему не ска-
зали?

– И что бы ты сделала? – ехидно спросила Неста. – Вызвала бы его на поединок? Стреляла бы в него из лука? Этот городишко – сточная канава. Кто почешется из-за наемника, ограбившего таких, как мы?

– Кто почешется? Хотя бы твой Тимас Мандрэ, – холодно ответила я.

Глаза Несты сердито вспыхнули, но потом она что-то уви-
дела у меня за спиной и попыталась учтиво улыбнуться. Ви-
димо, вспомнила про деньги в моем кармане.

– Твой дружок тебя дожидается, – сообщила она.

Я обернулась. На другом конце площади, прислонившись к стене дома, стоял Икас. Он был старшим сыном единствен-
ного зажиточного крестьянина в нашей деревне, однако и он
исхудал за зиму. Его каштановые волосы потеряли блеск и
топорщились в разные стороны. Довольно миловидный, веж-

ливый, уравновешенный. Но под всем этим жила какая-то темнота. Она-то и сблизила нас. Мы оба хорошо понимали, сколь никчемны были, есть и будут наши жизни.

Несколько лет я вообще не обращала на него внимания, как и он на меня. Но однажды дорога свела нас вместе. Мы оба шли на рынок. Отец послал Икаса продавать яйца, я заглядывала в корзину, которую он нес, и любовалась оттенками скорлупы. Попадались яйца почти коричневые, были кремовые, с вкраплениями зеленых и голубых пятнышек. Разговор у нас завязался простой, легкий. Может, каждый из нас что-то говорил невпопад. С рынка мы тоже шли вместе. У нашего дома Икас простился, а я вдруг почувствовала себя... не такой одинокой, как прежде. Через неделю я сама потащила его в ветхий сарай.

Икас был моим первым любовником и оставался единственным все два года наших встреч. Порою мы неделю подряд встречались каждый вечер, а потом не виделись целый месяц. Однако каждый раз картина повторялась. Мы торопливо сдергивали друг с друга одежду, наше шумное дыхание сливалось воедино, языки тоже сплетались... Иногда мы разговаривали. Обычно говорил Икас, жаловался на отца, который непомерно нагружал его работой и давил своей властью. Нередко мы обходились без слов. Не скажу, чтобы мы особо преуспели в телесных утехах, но они дарили нам кусочки свободы и позволяли хоть ненадолго забыть об окружающей жизни.

Между нами не было любви. По крайней мере, в моем понимании, которое строилось на чужих рассказах и на тех немногих книгах, что мне читали сестры. И все же во мне что-то оборвалось, когда он сообщил о грядущей женитьбе. Впрочем, отчаяние меня не захлестнуло и я не стала просить Икаса о продолжении наших встреч после его свадьбы.

Икас не собирался подходить ко мне на площади. Он подал мне знакомый знак, затем развернулся и зашагал прочь из городишки, держа путь все к тому же старому полуразвалившемуся сараю. Мы не особо скрывали наши отношения, однако старались, чтобы они не привели к нежелательным последствиям.

– Надеюсь, вы оба понимаете, что в таких делах надо осторожничать, – заявила мне Неста, провожая взглядом удалявшегося Икаса.

– Поздновато ты проявила сестринскую заботу, – ответила я сестре.

И тем не менее мы осторожничали. Поскольку у меня не было денег на предохранительные снадобья, Икас взял это на себя и постоянно пил особый отвар. Он знал, что иначе я не подпустила бы его к себе.

Я достала из кармана большую медную монету. Элайна затаила дыхание. Не глядя на сестер, я вложила монету в ладонь Элайны и сказала:

– До встречи дома.

Мы славно поужинали жареной олениной и собрались возле очага. Я любила эти тихие часы между ужином и сном. Сестры о чем-то шушукались и хихикали. Какая-то часть меня всегда завидовала их близости. Деньги, что я им дала, они потратили целиком. Куда – я не знала, хотя Элайна принесла отцу новую стамеску для резьбы. Плащ и сапоги, которые они клянчили накануне, стоили слишком дорого. Я не упрекала сестер за потраченные деньги, тем более что Неста, вернувшись домой, без всяких понуканий сама отправилась колоть дрова. К счастью, на обратном пути им удалось избежать нового столкновения с «Детьми благословенных».

Отец дремал, прислонив палку к покалеченной ноге. Я решила, что сейчас самое время поговорить с Нестой о Тимасе Мандрэ, повернулась к старшей сестре, открыла рот... но не успела произнести ни слова.

Раздался оглушительный рев. Сестры испуганно завопили. Дверь распахнулась, и ветер наполнил комнату вереницей снежинок, а в проеме появилось нечто огромное и злобно зарычало.

Глава 4

Сама не знаю, как у меня в руке оказался охотничий нож. Первые минуты были хаосом красок и звуков. Громадный зверь с золотистым мехом рычал, мои сестры дружно вопили, ветер выдувал из комнаты драгоценное тепло. Отец замер. Его лицо превратилось в маску ужаса.

К счастью, в дом ворвался не мартакс. Это меня успокоило, но ненадолго. Нежданный гость был величиной с лошадь. В его теле угадывалось что-то кошачье, львиное даже, но голова была волчьей. Самое странное, что из волчьей головы торчали развесистые лосиные рога. Как бы ни называлось это исчадие, его появление не сулило нам ничего хорошего. Достаточно было взглянуть на его когти, формой напоминавшие кинжалы, и желтые клыки.

Окажись я одна, в лесу, оцепенела бы от страха. Быть может, упала бы на колени и стала умолять о быстрой, безболезненной смерти. Но сейчас в моей душе не было места ужасу. Я не желала поддаваться панике, хотя сердце бешено колотилось. Я даже сумела загородить собой сестер. В этот миг зверюга встал на задние лапы, оскалил пасть, усеянную острыми зубами, и проревел:

– Убийцы!

Эхом я услышала другое слово, прозвучавшее внутри меня: «Фэйри».

Вот тебе и обереги, папочка! Знаки, нацарапанные возле нашего порога, были чудовищу что паутина. Напрасно я не расспросила наемницу, каким образом она сумела убить того фэйри. Зато толстая шея нашего «гостя» так и просила моего ножа.

Я оглянулась на сестер. Обе стояли на коленях, прижимаясь к стене очага. Там же скрючился мой отец. Мне придется защищать троих. Здравый смысл кричал, что я поступаю глупо, однако я сделала еще один шаг в направлении фэйри. Сейчас нас разделял только стол. У меня противно дрожали руки. Фэйри стал так, что мои лук и колчан со стрелами оказались за его спиной. Нужно каким-то образом обогнуть его и дотянуться до рябиновой стрелы. Мне еще должно хватить времени на выстрел.

– Убийцы! – повторил зверь.

Шерсть стояла у него дыбом.

– П-простите, – мямлил отец у меня из-за спины. Ему не хватило смелости доковылять до меня. – Если мы что-то сделали, то по незнанию и...

– М-м-мы никого не убивали, – вторила ему Неста, подавляя слезы.

Одну руку она держала над головой. Можно подумать, что ее железный браслетик способен защитить от такой зверюги.

Понимая, что могу не добраться до колчана, я схватила в руки ножи.

– Убирайся! – крикнула я непонятному созданию, разма-

живая ножами.

Вокруг не было ни кусочка железа, которым я бы смогла воспользоваться как оружием. Если только сорвать у сестер с рук браслеты и швырнуть ему в морду.

– Убирайся и забудь сюда дорогу!

Невзирая на резкие слова, у меня дрожали колени. Пальцы с трудом удерживали рукоятки ножей. Сейчас сгодился бы и железный гвоздь, водись таковые в нашем доме.

В ответ фэйри громко и злобно зарычал. От его рева наша хижина содрогнулась. Миски и кружки жалобно зазвенели, ударяясь друг о друга. Главное – шея этой твари оставалась открытой. Недолго думая, я метнула в нее охотничий нож. Правда, метательница из меня никудышная.

Фэйри молниеносно – я едва успела заметить – лапой загородил ножу путь, и тот отскочил в сторону. Оскалив пасть, зверь устремился ко мне.

Я отскочила назад, едва не споткнувшись о струсившего отца. Фэйри вполне мог меня убить, однако его выпад был предостережением. Неста и Элайна всхлипывали, молясь позабытым богам, которые случайно могли оказаться поблизости.

– Кто его убил?! – спросило существо, подбираясь к нам.

Его лапа уперлась в стол, ответивший жалобным скрипом. Когти вонзились в древесину.

Я снова шагнула вперед. Зверюга вытянул морду и принюхался. Глаза у него были зелеными, с янтарными крапин-

ками. Отнюдь не глаза зверя, если судить по цвету и форме.
– Убил... кого? – спросила я, удивляясь спокойствию собственного голоса.

Фэйри зарычал. По сравнению с ним убитый мною волк скулил, как щенок.

– Волка, – ответил мне фэйри.

У меня зашло сердце. Рычание исчезло, но оставался неукротимый гнев со следами печали.

Вопль Элайны превратился в пронзительный крик.

– Какого волка? – спросила я, высоко подняв голову.

– Громадного волка с серой шкурой, – огрызнулся фэйри.

Интересно, распознает ли он мое вранье? Фэйри не способны врать. Все смертные знали об этом. Но может, фэйри могут чують человеческое вранье? Конечно, в сражении мне его не одолеть, однако есть другие способы.

– Если он был убит по ошибке, какую плату мы можем предложить? – собрав все имевшееся у меня спокойствие, спросила я.

Мне вдруг подумалось, что я уснула и увидела кошмарный сон. День был утомительным – сначала рынок, потом встреча с Икасом... Сейчас я проснусь и удостоверюсь, что никакого зверя нет.

Но он был. Более того, он издавал лающие звуки, означавшие, скорее всего, горький смех. Оторвавшись от стола, фэйри начал расхаживать перед покореженной дверью. Комнату так выстудило, что я задрожала – теперь уже от холода.

– Плата за содеянное определяется Соглашением между нашими мирами.

– За... волка? – удивилась я.

Краем уха я слышала, как отец предостерегающе произнес мое имя. Давным-давно, в школе, нам что-то рассказывали о Соглашении. Но сколько я ни напрягала память, припомнить что-либо о волках не могла.

– Кто убил волка? – кинулся ко мне фэйри.

– Я, – ответила я, глядя в его зеленые глаза.

Он заморгал, посмотрел на моих сестер, затем снова на меня. Моя худоба насторожила его.

– Ты наверняка врешь, чтобы спасти родню.

– Мы никого не убивали! – Элайна всхлипывала, как ребенок. – Пожалуйста... пожалуйста, пощадите нас!

Неста, у которой тоже градом катились слезы, оттолкнула Элайну, загородив собой. Как бы я ни относилась к сестрам, сейчас мне их стало по-настоящему жалко.

Отец с кряхтением встал, собираясь приковылять ко мне. Но еще раньше я повторила:

– Да, я убила того волка.

Зверь, принимающий к сестрам, теперь вглядывался в меня.

– Сегодня я продала на рынке его шкуру, – продолжила я, расправив плечи. – Если бы я знала, что это фэйри, я бы его не тронула.

– Врунья! – прорычал наш мучитель. – Ты догадывалась,

но сомневалась. А знай ты наверняка, что перед тобой один из моих братьев, тебе бы еще сильнее захотелось его убить.

Он был прав. Кругом прав.

– Ты явился сюда, чтобы упрекать меня?

– Он что, нападал на тебя? Угрожал тебе, вынуждая защищаться?

Я уже хотела сказать «да», однако что-то удержало меня от вранья.

– Нет, – в ответ прорычала я. – Но, учитывая все то, что ваша порода делала с людьми и до сих пор с удовольствием делает... даже если бы я безошибочно знала, кто он, он заслужил такую участь.

Уж лучше я погибну с гордо поднятой головой, чем буду лебезить перед этой тварью.

Ответом мне стало гневное рычание, однако и оно не уменьшило моей решимости.

Отсветы пламени играли на его оскаленных зубах. Я задумалась: будет ли больно, когда эти зубы вопьются мне в шею, и насколько громко завопят перед смертью мои сестры? Я вдруг отчетливо поняла: Неста готова пожертвовать собой, чтобы выиграть время и дать Элайне убежать. Именно Элайне. Не отцу, которого она всегда презирала. Не мне, поскольку меня она ненавидела, зная, что мы с ней – две стороны одной монеты и я могу сама постоять за себя. Зато Элайна, наша любительница цветов, хрупкий двуногий цветочек... Ради нее Неста готова сунуть голову в пасть пожа-

ловавшему зверю.

Думаю, это озарение и заставило меня нацелить второй нож в шею фэйри.

– Так какую плату предусматривает Соглашение? – спросила я.

– Жизнь за жизнь, – ответил он, не сводя глаз с моего лица. – Любое неоправданное нападение людей на фэйри оплачивается жизнью напавшего. Другой платы не существует.

Мои сестры перестали реветь в голос. Наемница, которой я продала шкуры, убила фэйри только после нападения на нее.

– Я этого не знала, – честно сказала я. – Не знала про такую часть Соглашения.

Фэйри не способны врать. Он говорил так, как есть, ничего не искажая.

– Большинство смертных предпочло забыть об этой части Соглашения. – На его морде появилось нечто вроде усмешки. – Что ж, тем сладостнее нам будет тебя наказывать.

У меня дрогнули колени. Мне не выпутаться из этой жуткой ситуации. Я даже не могла попытаться сбежать – фэйри загораживал собою дверь.

– Сделай это вне дома, – сбивающимся голосом прошептала я. – Не... здесь.

Не хватало еще, чтобы сестры потом отмывали мою кровь с пола. Да и с чего я решила, что он пощадит мою семью?

Фэйри зловеще расхохотался:

– Ты что же, так легко соглашаешься принять наказание?
Я молча смотрела на него.

– За проявленную смелость я приоткрою тебе, смертная, один секрет. За содеянное тобой Притиания должна потребовать твою жизнь. Потребовать не означает непременно умертвить тебя. Улавливаешь разницу? Я – посланец бессмертного мира – могу заколоть тебя, как свинью... или же ты отправишься со мной, пересечешь Стену и проведешь остаток своих дней в Притиании.

– Что? – ошеломленно заморгала я.

Медленно, как тупой свинье, он повторил:

– У тебя есть выбор: умереть в ближайшие минуты или навсегда переселиться в Притианию, забыв о мире людей.

– Соглашайся, Фейра, – прошептал за спиной отец. – Отправляйся туда.

– Где я там буду жить? – спросила я, не глядя на посланца. – Для нас каждый уголок Притиании смертельно опасен. Уж лучше умереть сегодня, чем жить в постоянном страхе по другую сторону Стены, пока кто-то не оборвет мою жизнь еще более жутким образом.

– У меня есть владения, – тихо и с неохотой сообщил фэйри. – Я позволю тебе жить там.

– С чего это вдруг такая доброта ко мне?

В моем положении вопрос был более чем дурацким, однако...

– Мало того что ты убила моего друга! – взбеленился фэй-

ри. – И не просто убила. Ты содрала с него шкуру, которую продала на рынке, заявив, что он заслужил такую участь. За одно это я мог бы прибить тебя, ничего не объясняя. Но я сделал тебе щедрое предложение. Неужели у тебя хватает наглости сомневаться в моем великодушии?

Мне показалось, что я прочла у него в мыслях: «Ну совершенно человеческое поведение!»

– Ты мог бы и не говорить про имеющуюся лазейку.

Я подошла к нему так близко, что его жаркое дыхание опаляло мне лицо.

Фэйри не способны врать, но они прекрасно умеют недоговаривать.

От моей наглости он снова зарычал.

– Я допустил глупость, забыв, сколь низкого мнения вы о нас. Но неужели люди совсем перестали понимать милосердие и великодушие? – спросил фэйри. Его клыки торчали почти у самого моего горла. – Повторю тебе еще раз, дерзкая и глупая девчонка, но в последний. Или ты отправишься в Притианию и будешь жить в моем доме, отдавая свою жизнь за жизнь убитого тобою фэйри... или мы выйдем за порог – и я разорву тебя в клочья. Даже хоронить будет нечего. Выбор за тобой.

Отец прихромал ко мне. Его пальцы сжали мне плечо.

– Послушайте, добрый господин. Фейра – моя младшая дочь. Умоляю вас, пощадите ее. Она – это всё... это всё...

Фэйри опять зарычал, и я не узнала, что же означало от-

цовское «всё». Но одна эта слабая попытка отца встать на мою защиту... для меня она стала ударом ножа в живот.

– Пожалуйста, – дрожащим голосом произнес отец.

Он и сам весь дрожал.

– Помолчи! – оборвал отца фэйри.

Во мне вдруг вспыхнула такая безудержная ярость, что я была готова ударить этого говорящего зверюгу ножом в глаз.

«Раньше, чем ты успеешь поднять руку, он перекусит тебе горло», – охладила мой пыл интуиция.

– Я могу достать золота, – заявил отец.

От его слов меня снова обожгло злостью. Где это он достанет золото? Отец не стыдился попрошайничать, но даже в лучшие времена ему подавали жалкие гроши. Зажиточные люди в нашей деревне – скупцы с черствыми душами. В детстве я верила, что чудовища водятся только по другую сторону Стены. Повзрослев, убедилась: их более чем достаточно и в мире людей.

– И в какую же сумму ты оценишь жизнь своей дочери? – ехидно спросил фэйри. – Думаешь, золото способно заменить мне убитого друга?

Неста по-прежнему загораживала собой Элайну. Лицо Элайны стало под цвет снега, полоса которого росла возле открытой двери. Неста внимательно следила за каждым движением фэйри. На отца она даже не взглянула, как будто уже знала его ответ.

Отец молчал. Я еще на шаг приблизилась к фэйри, стя-

гивая его внимание на себя. Нужно увести его из дома, подальше от моих близких. Я помнила, с какой легкостью он перехватил мой нож. Глупо пытаться одолеть такого противника силой. К нему нужно подкрасться незаметно. Но фэйри отличались обостренным слухом. Вряд ли мне в ближайшее время представится возможность... Значит, нужно усыпить его бдительность. Вести себя так, чтобы он поверил в мою полную покорность ему. Если неверно выберу время для нападения на него или для бегства, он меня все равно разыщет, а вдобавок расправится с отцом и сестрами. Сейчас мне не оставалось иного выбора, как пойти с ним. В дальнейшем я, наверное, сумею найти возможность перерезать ему горло. Или серьезно ранить, чтобы не бросился в погоню.

Пока я буду оставаться вне досягаемости фэйри, они не смогут потребовать выполнения Соглашения. Пусть это сделает меня нарушительницей клятвы. Отправляясь жить в его дом, я нарушала другую клятву, более важную и значимую для меня. Ее важность затмевала какое-то давнее Соглашение, которое я даже не подписывала.

У меня затекли пальцы, сжимавшие рукоятку ножа. Я ослабила хватку. Несколько минут я молча смотрела в зеленые глаза фэйри.

– Когда мы отправимся? – наконец спросила я, поскольку больше не могла молчать.

Его морда осталась прежней: по-волчьи свирепой. Фэйри уничтожил мою последнюю надежду дать ему бой. Он про-

шел туда, где лежал мой колчан, достал рябиновую стрелу, понюхал ее и зарычал, после чего легко, словно прутик, переломил стрелу надвое и бросил половинки в огонь.

– Мы уходим немедленно, – объявил фэйри, поворачиваясь ко мне спиной.

В комнате пахло обреченностью.

Немедленно. Даже Элайна подняла голову и теперь в немом ужасе смотрела на меня. Но я не могла взглянуть ни на нее, ни на Несту. Обе молчали. Это их пришибленное состояние было еще хуже, чем крики и слезы. Я посмотрела на отца. У него блестели глаза. Тогда я обвела взглядом комнату и убогую мебель. Возле ручек шкафа желтели нарисованные мною нарциссы. Выцветшие, как и все мои рисунки. «Мы уходим немедленно».

Фэйри шагнул в открытую дверь. Мне не хотелось раздумывать о том, куда я уйду и что он сделает со мной. Я оставила мысль о немедленном бегстве. Побег нужно тщательно подготовить.

Я побросала в мешок необходимую одежду и стала одеваться сама.

– Оленины вам должно хватить недели на две, – говорила я отцу. – Сначала ешьте свежее мясо. Остальное обязательно завяльте. Ты ведь умеешь готовить вяленое мясо.

– Фейра, – выдохнул отец.

– В моем ящике комода лежат деньги за проданные шкуры, – продолжала я, застегивая плащ. – Если тратить их с

умом, месяца два сможете продержаться.

Только сейчас я подняла взгляд на отца, запоминая черты его лица. Слезы жгли мне глаза. Я поморгала, смахивая их, и стала натягивать свои далеко не новые перчатки.

– Когда настанет весна, начинайте охотиться. К югу от большой излучины Серебряного ручья полным-полно кроличьих нор. Попроси... попроси Икаса Хэла. Он научит тебя ставить силки. В прошлом году я научила его этому занятию.

Отец кивал, прикрывая рот рукою. Фэйри рывкнул, чтобы я поторапливалась, и вышел из дома. Я не хотела его злить, но все же задержалась еще ненадолго. Мои сестры застыли, скрючившись возле очага. Казалось, они боялись шевельнуться и ждали, когда я уйду.

Не поднимая головы, Элайна прошептала мое имя. Я повернулась к Несте. Сейчас ее лицо было особенно похожим на лицо нашей покойной матери: такое же холодное и непреклонное.

– Как бы ни повернулась твоя жизнь, не вздумай выходить за Тимаса Мандрэ, – тихо сказала я. – Его отец бьет жену, и никто из сыновей даже не пытается вступить за мать.

У Несты округлились глаза.

– Синяки и ссадины спрятать труднее, чем бедность.

Неста сжалась, но промолчала. Они с Элайной не произнесли ни слова. Я повернулась, готовая шагнуть в темноту, и вдруг почувствовала на себе отцовскую руку.

Я обернулась. Отец открывал и закрывал рот, из которого

не вылетало ни единого слова. Фэйри, почувствовав, что я замешкалась, сердито зарычал. От его рыка задрожали стены.

– Фэйра, – наконец произнес отец.

Его руки обхватили мои пальцы, обтянутые потертыми перчатками. В отцовских глазах появилась ясность и живость, которых я не видела очень давно. Случившееся словно встряхнуло его от многолетней спячки.

– Фейра, ты всегда была способна на большее. Эта деревня, ее жители... да и мы тоже... не годимся для тебя. – Он сжал мне пальцы. – Если тебе удастся бежать... если сумеешь убедить их, что выплатила долг, не возвращайся сюда.

Я не ожидала от него душераздирающих слов прощания, однако и таких слов тоже не ждала.

– Ни в коем случае не возвращайся сюда. – Отец отпустил мои руки, чтобы встряхнуть меня за плечи. – Фейра...

Его снова заклинило на моем имени.

– Отправляйся в новые места и добейся славы.

На дворе темнел силуэт фэйри – моего проводника в незнакомую и опасную жизнь. Менялась не только моя жизнь. Я плохо представляла, как отец и сестры справятся без меня. Жизнь за жизнь. А вдруг, сохранив свою жизнь, я невольно погублю три других? Эта мысль была способна пригвоздить меня к месту.

Я никогда не рассказывала отцу про обещание, данное умирающей матери. Тем более глупо говорить об этом впо-

пыхах. Я просто убрала с плеча отцовскую руку и вышла за порог.

Снег скрипел под ногами, заглушая отцовские слова, еще звучавшие в ушах. Вслед за фэйри я шла к притихшему на ночь лесу.

Глава 5

Каждый шаг к кромке леса был слишком легким и быстрым. Я неумолимо приближалась к неведомым мучениям и страданиям, ожидавшим меня в новой жизни. Я шла, не смея оглянуться на нашу хижину.

Мы достигли леса, темнота за деревьями манила неизвестностью.

Нас дожидалась белая кобыла, без всякой привязи она стояла у дерева. Под лунным светом ее шкура походила на свежавывапавший снег. Увидев фэйри, лошадь наклонила голову, словно бы в знак уважения. Фэйри молча подошел к ней.

Он махнул мне громадной лапой, веля забираться в седло. Лошадь по-прежнему не выказала ни малейшего беспокойства, хотя когтистая лапа фэйри с легкостью могла располосовать ей брюхо. Верхом я не ездила со времен нашей прежней жизни, правда тогда меня сажали на пони. От белой кобылы исходило приятное тепло. Едва я устроилась в седле, лошадь тронулась с места. Мне не оставалось иного, как направиться вслед за фэйри, который прекрасно видел в темноте. Они с лошадыю были почти одинаковой величины. Я ничуть не удивилась, когда фэйри зашагал в северном направлении, хотя у меня и свело живот.

Итак, мне предстояло жить с говорящим зверем, проводя

все годы своей смертной жизни на его землях. Возможно, он действительно проявил великодушие. Но он ни слова не сказал, какой будет моя жизнь. Соглашение запрещало фэйри брать людей в качестве рабов. Впрочем, кто знает? Быть может, для таких убийц, как я, существовали исключения.

Скорее всего, фэйри держал путь к невидимой расщелине, через которую он выбрался в наш мир. И как только мы окажемся по другую сторону Стены, в пределах Притиании, отец и сестры уже не смогут меня разыскать. Я буду там кем-то вроде ягненка в королевстве волков. Впрочем, нет. Возможно, они и меня считали волчицей. Ведь я убила фэйри.

У меня пересохло во рту. Кажется, только сейчас я по-настоящему осознала это. Я убила фэйри. Но ведь весь его облик и повадки были совершенно волчьими. Я не могла корить себя за содеянное. Я убивала не ради развлечения и не из ненависти. Тот фэйри-волк был моим соперником в сражении за олениху. Я спасала своих близких от голода. Возможно, я убила настоящего злодея, и в мире стало одним фэйри меньше. У меня больше не было рябиновой стрелы, придется искать хитроумный способ убийства этого фэйри. Меня и сейчас не оставляли мысли о побеге.

Горная рябина для фэйри – проклятое дерево. Их слабое место. Люди узнали их тайну, потому и сумели уцелеть в страшной Войне с народом фэ. Как ни странно, тайну эту выдал людям один фэец. Предатели есть не только среди людей.

Тепло лошадиной спины не согревало мне кровь. Я безуспешно искала среди деревьев хотя бы одну рябину, выисматривая признаки этой породы: узкий ствол и обилие ветвей. Никогда еще я не видела лес таким замершим. По сравнению с фэйри вся здешняя дикая живность казалась мне ласковыми ручными зверюшками. Правда, лошадь ничуть его не боялась. Будем надеяться, что, когда мы окажемся в пределах Притиании, он не позволит другим фэйри посягнуть на свою добычу – то бишь на меня.

Притиания. Слово звучало в ушах предвестием гибели.

Владения. Он вскользь обмолвился о своих владениях. Я даже не пыталась представить его жилище, хотя понимала, что вряд ли он живет в норе. Я ехала на сытой, ухоженной лошади, ее седло изготовлено из дорогой кожи. Значит, этот фэйри имел связи с миром, где делались подобные вещи. Я совсем ничего не знала об образе жизни фэйри и фэйцев. Только рассказы об их удивительных способностях и ненасытных потребностях. Чтобы унять дрожь в руках, я плотно сжала поводья.

Людей, собственными глазами видевших Притианию, было очень мало. Добровольно пересечь Стену стремились лишь «Дети благословенных» и одураченные ими. Остальные оказывались там не по своей воле. Однако те и другие никогда не возвращались. Большинство легенд я слышала от жителей нашей деревни и соседнего городишки. В редких случаях что-то нам рассказывал отец, когда в нем просыпа-

лось желание пообщаться с дочерьми.

Согласно всем легендам и сказаниям, верховным фэйским правителям принадлежали обширные земли северной оконечности нашего мира. Мы жили на громадном острове, узкая полоска моря отделяла его от громадного континента, а бóльшая часть острова принадлежала фэйцам. Их земля изобиловала бездонными фьордами и ледяными пустынями. Были там и песчаные пустыни. Другая оконечность острова выходила к безбрежному океану. Существовали целые фэйские империи, а также земли, где правили их короли и королевь. Наконец, были и места вроде Притиании, где властвовали семь верховных правителей. Легенды наделяли их силой, которая не снилась даже забытым богам. Они способны сровнять с землей самые высокие и крепкие здания, разместить армию. А еще они могли убивать на расстоянии, с молниеносной быстротой. Почему-то я была склонна верить легендам.

Никто и никогда толком не объяснял мне, почему люди захотели остаться на узком пространстве, да еще рядом с Притианией. Возможно, причина была в человеческой глупости, поскольку только глупцы могли после Войны остаться на этих землях. Соглашение Соглашением, но Стена не давала надежной защиты от проникновения фэйри в наш мир. В ней имелись невидимые бреши, позволявшие опасным существам попадать к нам и развлекаться, истязая людей.

«Дети благословенных» упорно отказывались признавать

эту особенность столь восхваляемой ими Притиании. Теперь мне уже не понадобятся сладкие речи под звон серебряных колокольчиков. Скоро я собственными глазами увижу, что из себя представляет Притиания. У меня снова свело живот. Мне придется жить с этим чудовищем. «Жить», — постоянно напоминала я себе. Вряд ли он стал бы тащить меня так далеко, чтобы свершить расправу.

Гадать о жизни, которая ждет меня по другую сторону Стены, было бесполезно. По сути, фэйри стал моим хозяином. Он вполне может посадить меня в тюрьму, запереть и забыть о моем существовании. Забудет, что я, как и все люди, нуждаюсь в пище, воде и тепле.

Фэйри неумоимо шагал вперед. Его рога были устремлены к ночному небу, из ноздрей вились струи пара. Через какое-то время нам придется устроить привал, поскольку до границы Притиании еще очень далеко. Когда мы остановимся, я ни в коем случае глаз не сомкну и буду следить за каждым его движением. Хотя он и сжег мою рябиновую стрелу, я сумела захватить с собой и спрятать под плащом острый нож. Быть может, ночью мне представится возможность оборвать это путешествие.

Меня все сильнее захлестывали гнев и отчаяние. Я горевала не о собственной участи. Слушая, как хрустит снег под копытами лошади и лапами этого зверюги, я думала о том, что обрекла отца и сестер на голод. Как бы Неста и Элайна ни относились ко мне, я была им кормилицей. Им и нашему

увечному отцу. В мозгу вставляли яркие ужасающие картины. Я видела отца ковыляющим по деревне, униженно просящим «подать на пропитание». Односельчане наградят его лишь насмешками. И тогда, тяжело опираясь на палку, он потащится в городишко и там станет клянчить медяки, чтобы прокормить дочерей. Я знала: Неста палец о палец не ударит, чтобы помочь отцу. В случае чего спокойно позволит ему умереть. А вот ради Элайны она будет врать, воровать и изворачиваться. Впрочем, ради самой себя – тоже.

Чтобы не растравить вконец душу тягостными мыслями, я принялась наблюдать за походкой фэйри. Точнее, пыталась найти в нем хоть какую-то слабость. И не находила.

– А ты из какой породы фэйри? – решила спросить я.

Снег, деревья и темное звездное небо поглотили мои слова.

Фэйри даже не обернулся. За все время он не произнес ни слова. По-своему он был прав. Зачем разговаривать со смертной девчонкой, которая убила его друга?

– А имя у тебя есть? – задала я новый вопрос.

Должны же у них быть имена. Или клички. Любое слово, чтобы мои проклятия не оставались безымянными.

Я услышала знакомый звук. У фэйри он заменял горестный смех.

– А не все ли тебе равно, смертная? – вопросом ответил он.

Я промолчала. Он вполне мог передумать и оборвать мою

жизнь в лесу.

Может, судьба мне все-таки улыбнется и я сумею сбежать. Я доберусь до нашей хижины, и мы тихо покинем деревню, сядем на корабль и уплывем далеко-далеко от этих жутких мест. Или же я попытаюсь его убить. Пусть попытка окажется совершенно бессмысленной. Пусть она станет вторым необоснованным нападением на фэйри. Но я – не овечка, покорно идущая на заклание. Фэйри не ценят нашу жизнь, зато я ценю свою собственную. Уцелела же та наемница; быть может, и я уцелею. Быть может.

Я хотела еще раз спросить его имя, но услышала недовольное рычание. Затем произошло то, к чему я оказалась совершенно не готова и потому не могла сопротивляться. Мои ноздри обжег странный металлический запах. На меня навалилась невероятная усталость, и я провалилась в черноту.

* * *

Пробуждение было резким, словно меня вытолкнули наружу. Я по-прежнему сидела в седле, привязанная невидимыми веревками. Высоко в небе светило солнце.

Магия! Вот откуда металлический запах. Магия удерживала меня в седле, не давая выпасть. Магия не позволила мне схватиться за нож. Я нутром, костями чуяла ее силу и свой ужас перед этой силой. Наверное, сработала наследственная память, доставшаяся мне от далеких предков. Сколько же

времени я провела в бессознательном состоянии? Точнее, сколько времени фэйри удерживал меня в таком состоянии, избавляя себя от моих разговоров? От нашей хижины до Стены и южных границ Притиании – два дня пути. Неужели фэйри нагнал на меня сон и я целых два дня спала, болтаясь в седле?

Я скрипнула зубами. Мне захотелось заорать на фэйри и потребовать ответов. Он по-прежнему невозмутимо шагал, забыв обо мне. Потом у меня над головой с веселым щебетанием пронеслись птицы. В лицо подул теплый ветер. Впереди я увидела живую изгородь и металлические ворота.

Что ожидало меня за ними – тюрьма или спасение? Я не знала.

Ворота распахнулись сами собой. Фэйри вошел и двинулся дальше. Лошадь последовала за ним. Моего желания никто не спрашивал.

Глава 6

На зеленом холме раскинулась обширная усадьба. Ничего подобного я прежде не видела. По сравнению с нею наш бывший особняк казался маленьким домиком. Здание утопало в розах и плюще, к нему примыкали открытые и крытые дворики, стены изобиловали балконами и легкими внешними лестницами. Усадьбу окружали сады, простиравшиеся так далеко, что я едва видела кромку леса. Меня захватило изобилие красок, света и потрясающее разнообразие форм... Мои глаза жадно впитывали все это и никак не могли насытиться. Любая картина с натуры стала бы бледной копией, неспособной передать всю красоту реальности. Восторг перед увиденным мог бы оттеснить прежние страхи, не будь вокруг столь тихо и пустынно. Даже сад, по которому мы шли, и гравийная дорожка, ведущая к парадному входу... – все пребывало в каком-то сне. Над клумбами аметистовых ирисов, белых подснежников и масляно-желтых нарциссов, лениво покачивающихся на ветру, витал запах металла.

Я поняла: все местное великолепие существовало благодаря магии. Потому здесь и стояла весна, когда наши земли утопали в снегу. Какими же силами владели фэйри, если их земли столь разительно отличались от наших, если времена года и погодные стихии подчинялись им, как богам?

Моя спина взмокла от пота. Одежда, не спасавшая от мороза, превратилась в душный панцирь. Я взмахнула руками и поерзала в седле. Невидимые веревки исчезли.

Пройдя еще несколько шагов, фэйри бесшумно вскочил на просторную мраморную лестницу, что вела к тяжелым дубовым входным дверям. Двери неслышно распахнулись, и он исчез внутри. Конечно же, все путешествие сюда было им тщательно продумано. С помощью магии он погрузил меня в бессознательное состояние, чтобы я не знала, где нахожусь, и не смогла найти дорогу домой. Я и понятия не имела, далеко ли отсюда до Стены и через земли каких фэйри пролегает дорога. Я сунула руку в потайной карман – он опустел. Мой нож исчез.

Неужели когтистые лапы шарили у меня под плащом, разыскивая оружие? Одна эта мысль отозвалась противной сухостью во рту. Меня охватил ужас, к которому добавились ярость и отвращение. Однако все эти чувства мне пришлось подавить. Лошадь остановилась возле лестницы. Итак, мне ясно дали понять: сопротивляться бесполезно. Роскошная усадьба смотрела на меня, застыв в ожидании.

Я обернулась через плечо: ворота по-прежнему были открыты. Если бежать, то сейчас.

Мне подумалось, что вернуться домой не так уж и сложно. Нужно постоянно идти на юг, тогда через какое-то время я доберусь до Стены... если не столкнусь с новыми опасностями. Я натянула поводья, пытаюсь развернуть лошадь. Бе-

лая кобыла стояла как вкопанная. Напрасно я дубасила ее по бокам и даже зарычала от досады. Ничего, я могу и пешком уйти.

Я хотела спрыгнуть на землю, а смогла лишь сползти. Перед глазами замелькали разноцветные пятна. Я ухватилась за седло и поморщилась. У меня ломило все тело, живот сводило от голода, а мысли путались.

Бежать отсюда. Бежать немедленно. Мне нельзя здесь задерживаться... но я не могла сделать ни шагу. В довершение к пляске цвета у меня дико закружилась голова.

Только последний глупец решится бежать в обессиленном состоянии, не имея даже скромных запасов пищи. Я едва успею пройти четверть лиги, как фэйри меня догонит и разорвет в клочья. Как и обещал.

Я шумно втянула в себя воздух. Надо сначала раздобыть пищу, а потом выждать удобный момент и бежать – это представлялось мне довольно разумным замыслом.

Постепенно мелькание пятен прекратилось. Я побрела в дом, лестницу одолевала, отдыхая на каждой ступеньке. Достигнув верха, я с замиранием сердца вошла в открытые двери и оказалась внутри.

Меня поразила роскошь убранства. Пол походил на громадную шахматную доску – под моими ногами сверкали черные и белые мраморные квадраты. Это был коридор со множеством дверей. Посередине начиналась внушительная лестница, а в дальнем конце, за толстыми стеклянными две-

рями, виднелся второй сад, еще больше и величественнее первого. Ни малейшего намека на тюрьму. Снизу не доносилось ни криков, ни стонов. Только откуда-то слышался странный гул, напоминающий рычание. От него подрагивали горшки с гортензиями, расставленные на невысоких столах коридора. Словно в ответ на мой молчаливый вопрос, слева распахнулась отполированная двустворчатая дверь. Это был немой приказ войти.

Я протерла глаза. У меня тряслись пальцы. Я слышала, что фэйская знать по всему миру строила себе дворцы и храмы. Часть из них мои смертные предки разрушили после Войны. Зачем? Просто из ненависти к могущественным врагам. Я не задумывалась о том, как живут они нынче, в каком богатстве и роскоши. Мне и в голову не приходило, что фэйри – свирепые чудовища – могут обитать в поместьях, великолепием своим превосходящих жилища самых богатых смертных. Быть может, слухи врут и Притиания вовсе не изобилует ужасами и жестокостями?

С замиранием сердца я вошла в комнату, которую правильнее было бы назвать залом.

Большую его часть занимал длинный стол. Намного длиннее того, что когда-то стоял в нашей столовой. Стол был уставлен едой и винами, из-под блестящих крышек кастрюль поднимался пар. Пахло так, что мой рот мгновенно наполнился слюной. Многие яства оказались мне знакомы: курятина, хлеб, горох, рыба, спаржа, зажаренный барашек... Та-

кой пир могли себе позволить только очень богатые люди. По крайней мере, фэйри питались тем же, чем и смертные, — с удивлением отметила я. Хотя стоит ли удивляться?

Фэйри, привезший меня сюда, протопал к громадному креслу во главе стола.

Я осталась у порога, пожирая глазами горячие, восхитительно пахнущие кушанья, запретные для меня. Это — первая заповедь, которую мы узнавали с раннего детства. Все сказки, стихи и песенки твердили об одном: если вы вдруг окажетесь в обществе фэйри, ни в коем случае не ешьте их пищи и не пейте их вин. Никогда. Иначе они поработят вашу душу и разум и вы окажетесь в Притиании. Что ж, вторая часть предостережения уже исполнилась. Но отдавать душу и разум в рабство фэйри я не собиралась.

Мохнатый зверь плюхнулся в кресло, которое заскрипело под его тяжестью. В следующее мгновение зал озарился белой вспышкой и зверь превратился в золотоволосого человека. Правильнее сказать, в существо, почти неотличимое от человека.

Я сжала зубы, чтобы не закричать, и уткнулась спиной в дубовую стенную панель. Ногой я нащупывала бордюр, окаймлявший дверь. Дальше начинался порог. Я прикидывала, с какой скоростью сумею выскочить в коридор и убежать. Зверюга, вломившийся в нашу хижину, оказался вовсе не фэйри! Он — из фэйской знати, правящей государствами. Я слышала, что их правители отличались внешней красотой,

но были безжалостны и очень опасны.

Он молод. Во всяком случае, его лицо показалось мне молодым. Его нос, часть лба и щеки скрывала искусная золотая маска. Ее украшали стебли и листья, выполненные из изумрудов. Наверное, у фэйской знати существовала нелепая мода прятать лица за масками. Глаза остались прежними, какие я видела в его зверином обличье. У него был сильный подбородок, губы – плотно сжаты.

– Тебе надо поесть, – сказал он.

В отличие от изящной и дорогой маски, его темно-зеленый камзол был самого простого покроя. Вместо украшений – кожаная перевязь для меча. Такая одежда больше годилась для сражений, чем для жизни среди роскоши. Между тем ни меча, ни даже кинжала я у него не увидела. Получалось, я попала в плен не просто к фэйскому аристократу, но еще и к воину.

Я старалась не думать о причинах, заставивших его так одеваться. Солнечный свет, что лился из широких окон за спиной моего пленителя, сверкал на кожаной поверхности перевязи. Но меня сейчас привлекала не амуниция, а синее безоблачное небо. Как давно я не видела такого неба! Фэец потянулся к затейливому хрустальному графину, налил себе бокал вина и залпом выпил. Видимо, ему спешно понадобилось промочить горло.

Я придвинулась к двери. Мое сердце колотилось так, что я боялась, как бы меня не вытошнило. Пальцы нащупали хо-

лодные металлические петли. Если выскочить не мешкая, я за считанные секунды добежу до ворот. Несомненно, фэец бежит быстрее, но я могу по пути опрокинуть несколько столов с гортензиями и тем самым создать ему преграду. Я посмотрела на заостренные фэйские уши. Такие уловят малейшее мое движение.

– Кто ты? – решила спросить я.

Волосы у него были того же цвета, что и шкура звериного обличья. Интуиция убеждала меня не обманываться вполне человеческим видом. Наверняка где-то внутри и сейчас таились громадные когти зверя.

– Садись и поешь, – угрюмо произнес он, указывая на свободные стулья.

Я снова и снова вспоминала предостережения против их пищи. Нельзя идти на поводу собственного желудка, пусть и отчаянно голодного. Один раз насытить брюхо, чтобы оказаться полной рабыней этого фэйца?

– Или тебе хочется от голода потерять сознание? – спросил фэец и глухо зарычал.

– Ваша еда опасна для людей, – ответила я.

Пусть обижается! Но он лишь засмеялся. Его смех не изменился, оставаясь звериным.

– Можешь не бояться. Наша еда отлично переваривается и в человеческих желудках.

Его пронзительные зеленые глаза пригвоздили меня к месту. Он чувствовал, что каждый мускул, каждая жилка в мо-

ем теле настроены дать деру.

– Если хочешь уйти, уходи, – добавил фэец, сверкнув зубами. – Я не собираюсь удерживать тебя силой. Ворота открыты. Можешь жить в любом уголке Притиании.

Где меня быстро слопают или замучает какой-нибудь кроважный фэйри... И все же, пусть эта усадьба сказочно красива, мне нужно возвращаться в мир людей, к своей семье. Обещание, данное умирающей матери, – это все, что придавало смысл моей жизни. Я по-прежнему стояла у стены и не приближалась к столу.

– Как хочешь, – прорычал он и принялся за еду.

Я дважды отказалась. Наверное, это имело какие-то последствия, однако я не успела даже подумать о них. Мимо меня кто-то прошел и направился дальше, к столу.

– Итак? – произнес незнакомец.

Он тоже был из фэйской знати: рыжеволосый, в красивом камзоле цвета тусклого серебра. И у него часть лица скрывала маска. Вошедший слегка поклонился хозяину поместья и встал, скрестив руки на груди. Похоже, меня он даже не заметил.

– Итак... что? – вопросом ответил мой пленитель, вскинув голову.

Его жесты больше напоминали звериные, нежели человеческие.

– Значит, Андрас мертв?

Мой пленитель – или спаситель – кивнул.

– Прими мои соболезнования, – тихо добавил он.

– Как... его убили? – спросил незнакомец и напрягся, даже костяшки пальцев побелели.

– Рябиновой стрелой, – ответил сидящий. Рыжеволосый зашипел. – Судебный порядок, регламентированный Соглашением, обязывал меня разыскать убийцу. Я нашел эту смертную и... дал ей прибежище.

– Получается, какая-то девчонка... смертная девчонка убила Андруса.

Это не было вопросом или признанием случившегося. Слова рыжеволосого вылетали, точно стрелы, обильно смазанные ядом. Он посмотрел на стул, предназначавшийся мне.

– Значит, суд нашел эту девчонку виновной, – произнес рыжеволосый, словно размышлял вслух.

Обладатель золотой маски невесело рассмеялся и указал на меня:

– Магия Соглашения привела меня к порогу ее лачуги.

Незнакомец изящно, как в танце, повернулся в мою сторону. Его маска была бронзовой, напоминающей лисью морду. Открытыми оставались лишь нижняя половина лица и верхняя часть лба. Я сразу заметила страшный шрам, оканчивающийся на подбородке. Большая часть шрама скрывалась под маской и тянулась, наверное, до самого лба. Рыжеволосый успел не только занять шрам, но и потерять один глаз, замененный золотым. Поразительнее всего, что металлическое

глазное яблоко двигалось, как настоящий живой глаз.

Даже издали я видела, как округлился его второй глаз, красновато-коричневого цвета. Он принюхался. Губы изогнулись, обнажая белые прямые зубы.

– Ты шутишь, – сказал рыжеволосый, поворачиваясь к хозяину поместья. – Думаешь, я поверю, что это худосочное существо свалило Андраса всего одной рябиновой стрелой?

Придурок! Одноглазый придурок. Жаль, что сейчас у меня не было лука и еще одной рябиновой стрелы. Я бы ему показала, как это делается.

– Она созналась в убийстве, – сдержанно произнес обладатель золотой маски и постучал по ободу бокала.

Я заметила, что его ноготь на мгновение стал звериным когтем. Звук был просто... бррр! Я старалась не сбивать себе дыхание, особенно после его слов:

– Она даже не пыталась отрицать.

Обладатель лисьей маски присел на краешек стола. Его длинные рыжие волосы красиво вспыхнули, поймав солнечный луч. Здесь маска не вызывала у меня вопросов. Кому понравится показывать изуродованное шрамом одноглазое лицо? Но тогда зачем маску носит мой пленитель? Возможно, они друзья и это знак дружеской солидарности. А может, моя первая догадка была верной и среди фэйской знати существует странная мода.

– И что мы имеем в результате твоего бесполезного великодушия? – сердито прошипел рыжеволосый. – Ты разру-

шил...

Я шагнула вперед, сделав всего один шаг. Я не знала, какие слова скажу, но то, что я услышала, мне очень не понравилось... Мой шаг и без слов оказался достаточно красноречивым.

– Скажи, человеческая девчонка, ты наслаждалась, убивая моего друга? – спросил рыжеволосый. – Испытывала ли ты сомнения? Или твое сердце было полно ненависти и у тебя и мысли не мелькнуло пощадить его? Наверное, для такой маленькой смертной козявки, как ты, убить фэйри равнозначно подвигу.

Хозяин поместья молчал, но я видела, как напряглась его челюсть. Оба фэйца внимательно смотрели на меня. Я потянулась за ножом, которого у меня не было.

– Что ж, – продолжал рыжеволосый, отвратительно ухмыляясь. Наверное, будь у меня в руках охотничий нож, он и тогда бы ухмылялся. – Возможно, найдется способ...

– Ласэн, – тихо произнес мой пленитель, и я уловила знакомое рычание, – изволь вести себя прилично.

Ласэн замер, потом спрыгнул со стола и отвесил мне глубокий поклон.

– Примите мои извинения, любезная госпожа. – (Еще одна шутка в мой адрес.) – Разрешите представиться: Ласэн, придворный, исполняющий роль посланника.

Он церемонно взмахнул рукой:

– Ваши глаза подобны звездам, а волосы – как золота по-

ток.

Чувствовалось, он ждал, что я назову свое имя. Я не собиралась говорить ему ни как меня зовут, ни где находится мой дом.

– Ее зовут Фейра, – сказал хозяин поместья.

Должно быть, он запомнил мое имя еще у нас дома. Зеленые глаза встретились с моими, затем взглянули на дверь.

– Асилла проводит тебя в твою комнату. Тебе не помешает вымыться и сменить одежду.

Я не знала, считать его слова оскорблением или нет. В этот момент чья-то крепкая рука взяла меня за локоть. Я вздрогнула. Рядом со мной стояла дородная женщина, ее лицо также скрывала птичья маска. У женщины были каштановые волосы, гармонирующие с ее коричневым домотканым платьем. Поверх платья красовался накрахмаленный до хруста белый фартук. Служанка. Кивком головы женщина указала в сторону двери. Похоже, в Притиании все носят маски.

Если здесь так заботятся об одежде – даже об одежде слуг, возможно, я сумею сыграть на их тщеславии или найду иной способ их обмануть? Хозяин поместья может одеваться как воин, но вдруг все это такая же игра, как их маски?

Это если посмотреть с одной стороны. С другой стороны, я попала в дом фэйской знати и должна вести себя разумно, тщательно продумать побег и выбрать наиболее благоприятное время. И сейчас я не буду противиться, а спокойно позволю Асилле увести меня в комнату. Не в камеру. Слабое,

но утешение.

Похоже, служанке было любопытно и самой послушать разговор господ, – во всяком случае, она меня особо не торопила. Мы не пошли, а побрели к двери, и я услышала еще часть разговора.

– А не вмешался ли Котел в случившееся? – сердитым тоном спросил Ласэн. – Она сама убила Андраса? Или ей помогли? Нам нельзя было посылать его туда. Никого из них. Я с самого начала говорил, что это дурацкая затея.

Его рычание становилось все более угрожающим. Я бы не удивилась, если бы он сейчас превратился в волка или другого зверя.

– Может, нужно было заявить о своей позиции? Настало время сказать: «Хватит!» С девчонкой нечего церемониться. Затолкни ее в какой-нибудь глухой угол. А лучше – убей. Меня ее судьба не волнует. Здесь она нам только в обузу. Она скорее пырнет тебя ножом в спину, чем станет говорить с тобой или с кем-то из нас.

– Нет, – резко возразил хозяин поместья. – Действовать мы будем не раньше, чем убедимся, что по-другому никак. А девчонка останется здесь. Никто ее пальцем не тронет. Больше на эту тему не говорим. Видел бы ты лачугу, в которой она жила. Суший ад.

У меня вспыхнули щеки. Я старалась не смотреть на Асиллу, зато чувствовала ее взгляд на себе. Лачуга. А чем еще могло показаться наше жилье тому, кто привык жить в

подобной роскоши?

– В таком случае, приятель, сам всем этим и займешься. Не сомневаюсь, она окажется прекрасной заменой Андрасу. Быть может, даже сумеет упражняться на границе наравне со всеми.

Ответом Ласэну стало раздраженное рычание хозяина.

Больше я ничего не слышала. Словно опомнившись, Асилла вывела меня в коридор.

* * *

Служанка вела меня по сверкающим коридорам, отделанным золотом и серебром. Нигде ни пылинки. Мы пришли в просторную, богато убранную комнату. Признаюсь, я не особо сопротивлялась, когда Асилла вместе с двумя служанками – тоже в масках – вымыли меня и укоротили мне волосы. Я стала похожа на ошипанного цыпленка. Кто знает, а вдруг фэйри не брезгуют человечиной?

От этой мысли я бы упала в обморок, не пообещай хозяин поместья оставить меня на всю жизнь в Притиании. Если бы не заостренные уши, все трое служанок вполне бы сошли за обычных человеческих женщин. Я хотела спросить у них, чем занимаются здесь слуги из числа людей, но не решилась. Они не делали мне больно, не издевались надо мною, и все равно от их присутствия, от прикосновения их рук меня билась дрожь. Я думала только о том, чтобы не выглядеть в их

глазах трусихой.

На кровати лежало принесенное Асиллой бархатное платье бирюзового цвета. Поплотнее запахнув белый халат, я уселась в мягкое кресло и стала умолять служанку отдать мою прежнюю одежду. Асилла не соглашалась. Я снова начала канючить, стараясь, чтобы голос звучал как можно жалобнее. Не выдержав, служанка ушла. Я очень давно не носила платьев, к тому же моей главной целью оставался побег, а платье для странствия по лесу совершенно не годилось.

Завернувшись в халат, я сидела, слушая птичье щебетание за окном. Их трели были единственными звуками – ни криков, ни звона оружия, никаких намеков на пытки и убийства.

Комната, в которой меня поселили, была больше нашей хижины. Ее бледно-зеленые стены искусно расписали золотыми узорами и украсили вдоль потолка лепным золотистым бордюром. Такое обилие позолоты могло показаться безвкусным, если бы не уравновешивалось коврами и мебелью цвета слоновой кости. Кровать – тоже цвета слоновой кости – размерами превосходила ту, где я еще недавно спала вместе с сестрами. Ветер, дувший из открытых окон, тербил подзоры на высокой передней спинке кровати. Представляю, как бы вытянулись лица у моих сестер, увидь они этот халат из тончайшего шелка, отороченного кружевами. Я водила пальцем по его лацканам и думала, думала.

Я никак не могла объяснить себе разницу между страш-

ными историями о фэйри и тем, что меня окружало. Может, пятьсот лет разделения миров сделали свое дело? Или кому-то было выгодно держать людей в страхе? И все же я призывала себя не терять бдительности. Я по-прежнему находилась в положении добычи: слабая, не имеющая никаких магических способностей. Но от этого места веяло таким спокойствием и умиротворенностью... А вдруг все это не более чем иллюзия? И лазейка в Соглашении лишь уловка, чтобы усыпить мою бдительность, перед тем как они меня уничтожат. Я слышала истории, утверждавшие, что фэйцы любят вдоволь наиграться со смертными, а потом их... съесть.

Скрипнула дверь. Вернулась Асилла, держа в руках охапку одежды.

– Неужели ты хочешь ходить в этом? – спросила она, показывая мне заскорузлую рубашку грязно-серого цвета.

Рубашка и рукава были все в дырках.

– Узнаёшь свой наряд? – спросила служанка. – Прачки не успели запихнуть твою одежду в корыто, как она стала разваливаться по кускам.

Асилла помахала передо мной коричневыми лоскутами:

– А это все, что осталось от твоих штанов.

Мне захотелось выругаться, но я сдержалась. Пусть Асилла всего-навсего служанка, но она вполне могла меня прихлопнуть.

– Ну как, наденешь платье? – спросила она.

Я понимала: надо встать и согласиться, однако продол-

жала сидеть в кресле. Смерив меня взглядом, Асилла снова ушла.

Я думала, она больше не вернется, но ошиблась. Еще через несколько минут служанка принесла штаны и камзол, которые великолепно мне подошли. Все это было превосходно сшито из ярких тканей. Может, несколько вычурно, но я не жаловалась, надела белую шелковую рубашку, затем темно-синий камзол, застегнула пуговицы. Не удержавшись, потрогала шероховатую золотую нить, которая оторачивала лацканы. Такая одежда стоила безумных денег и тоже не слишком годилась для леса. Но я не могла целиком заглушить в себе тягу к красоте, а потому искренне восхищалась новым нарядом.

Я плохо помнила, как мы жили до отцовского разорения. В нашем особняке у отца был кабинет и несколько комнат, где он принимал посетителей. Отец позволял мне туда заходить, иногда показывал мне разные товары и говорил, сколько они стоят. Много, очень много забылось. Я лишь помнила удивительные запахи заморских пряностей, музыку чужих языков, где не понимала ни слова. Среди немногочисленных счастливых воспоминаний эти были самыми главными. Пусть я плохо разбиралась в истинной стоимости вещей, но интуиция подсказывала: одни изумрудные шелковые занавески со вставками из золотистого бархата могли бы принести нам несколько лет сытой жизни.

У меня похолодела спина. Сколько же дней прошло с тех

пор, как я покинула наш дом? Около четырех. Запасы свежей оленины подходили к концу. Правда, трем ртам прокормиться легче, нежели четверем.

Асилла подвела меня к холодному очагу и усадила на стул с низкой спинкой. Взяв гребень, служанка расчесала мои волосы и принялась заплетать косу.

– Ну и тощая же ты, – вздыхала она. – Кожа да кости.

– У смертных осталось такое время года, как зима. А зимы никогда не бывают благосклонны к людям, – ответила я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали не слишком дерзко.

Служанка усмехнулась:

– Если у тебя хватит мозгов, ротик свой ты будешь держать закрытым, а ушки – на макушке. Это принесет тебе больше пользы, чем язык без костей. И быть начеку тоже полезно. Ощущениям своим не особо доверяй. Они еще не раз попытаются тебя подвести.

Я старалась не показывать виду, но от предостережений Асиллы мне захотелось сжаться в комок.

– Кое-кто здесь горюет по Андрасу, – продолжала Асилла. – Но если хочешь знать мое мнение, я вот что скажу. Андрас был хорошим дозорным. Этого от него не отнять. Но ведь знал, с чем столкнется, когда пересечет Стену. Говорили ему, чем это может кончиться. Народ здесь понимает условия Соглашения. Это для тебя главное. Наш хозяин сохранил тебе жизнь. Но не всем его решение по вкусу, и кое-кто будет косо на тебя смотреть. Ты только голову не зади-

рай и язык не распускай – тогда тебя никто не заденет. Хотя Ласэн – на него можешь и рявкнуть, если смелости хватит. Он стерпит.

Пока что мне смелости не хватало. Я хотела спросить у Асиллы, кого именно стоит избегать, но она завязала мне ко-су и вывела в коридор.

Глава 7

Мы вернулись в столовую. Золотоволосый хозяин поместья и Ласэн по-прежнему сидели за столом, тарелки исчезли, но фэйцы продолжали пить вино, потягивая его из золотых бокалов. Да, из золотых. Я бы сразу распознала позолоту или роспись под золото. Мне вспомнились наши убогие миски и кружки, щербатые ложки и зазубренные вилки. А здесь – такая роскошь. Такое умопомрачительное богатство, когда большинство людей нищенствует.

Неста звала меня «полудиким зверем». Но по сравнению с хозяином этого поместья, по сравнению с тем, как элегантно и непринужденно оба фэйца вели себя за столом... даже по тому, как обладатель золотой маски произносил слово «человек» применительно ко мне... мы все были полудикими зверями, хотя и без шкур и когтей.

А на другом конце стола по-прежнему стояли тарелки с едой. Мне ужасно хотелось есть. Голова кружилась так, что я боялась упасть в обморок.

День клонился к вечеру, солнце красиво освещало золотую маску хозяина поместья.

– Предваряю твои вопросы: еда, которую ты видишь, все так же пригодна для твоего желудка.

Он указал на стул с другого конца стола. Пальцы были вполне человеческими, никаких когтей. Но я не трогалась с

места. Он резко вздохнул и так же резко спросил:

– Чего же ты тогда хочешь?

«Досыта наесться, убежать, спасти мою семью», – мысленно ответила я.

– Я тебя предупреждал, Тамлин, – растягивая слова, произнес Ласэн. – Твои навыки обращения с женщинами за последние десятилетия изрядно заржавели.

Тамлин. Теперь я знала имя золотоволосого. Он сердито посмотрел на друга и заерзал на месте. Но меня удивило не это, а опрометчиво брошенное Ласэном слово: «Десятилетия».

Внешне Тамлин выглядел немногим старше меня, но фэйри – бессмертны. Ему могло быть несколько сотен лет и даже несколько тысяч. Я смотрела на обоих фэйцев, на их странные маски. Внешне похожие на людей и... совершенно иные. Вечные боги... что не мешало некоторым из них быть свирепыми фэйскими придворными.

Красно-коричневый глаз Ласэна приклеился ко мне.

– Теперь ты выглядишь лучше. Это приятно, раз тебе суждено жить с нами. Хотя платье на тебе смотрелось бы лучше камзола.

Волки, готовые к прыжку, – вот кто они. Как и убитый мною Андрас.

– Я предпочитаю не носить платьев, – сказала я, не пытаюсь придать своему голосу учтивые интонации.

– Это почему же? – вкрадчиво спросил Ласэн.

Вместо меня ответил Тамлин:

– Потому что в штанах и камзоле нас легче убивать.

Мне захотелось крикнуть, чтобы они не издевались надо мною, однако, вспомнив советы Асиллы, я сказала другое:

– Теперь, когда я здесь, в вашем мире, что... что вы собираетесь делать со мною?

Ласэн хмыкнул, а Тамлин раздраженно прорычал:

– Перво-наперво сядь за стол.

На другом конце стола меня ждал выдвинутый стул. Только сейчас я заметила, что из-под крышек идет пар. Значит, пока я мылась, слуги заново готовили еду. А что они сделали с остывшей? Неужели выбросили? Мои пальцы невольно сжались в кулаки.

– Не бойся, мы не кусаемся, – сказал Ласэн, хотя его сверкающие зубы намекали на противоположное.

Я села, стараясь не смотреть на него. Особенно – на странный металлический глаз, устремленный на меня.

Тамлин встал и медленно пошел вдоль стола. Он неумолимо приближался ко мне: хищник, до краев наполненный силой. Я замерла, когда он пододвинул ко мне пустую тарелку, снял крышку с кастрюли и положил большую порцию мяса. Из другой кастрюли добавил ароматной подливы.

– Я могу и сама себе положить, – вырвалось у меня.

Я была готова нести любую чушь, только бы он не приближался ко мне.

Тамлин остановился. Один взмах когтистой лапы сломает

мне шею. Теперь понятно, почему кожаная перевязь пустовала. К чему мечи и кинжалы, если он сам – живое оружие?

– Когда фэец угощает, он оказывает большую честь для любого смертного, – грубо сказал он.

Я проглотила комок слюны. Тамлин продолжал нагружать мою тарелку все новыми яствами. Остановился он, лишь когда на тарелке образовалась целая гора соблазнительно вкусной еды. Наполнив мой бокал светлым искристым вином, Тамлин вернулся на свое место. Думаю, он слышал, как я облегченно вздохнула у него за спиной.

Мне хотелось наброситься на еду и есть, есть, есть, пока не увижу дно тарелки. Но, вместе этого, я уперла локти в бедра и уставилась на двух фэйцев.

Они тоже смотрели на меня, и их взгляды не отличались непринужденностью.

– А ты выглядишь... получше, чем прежде, – признался Тамлин.

Это что, комплимент? Я видела, как Ласэн ободряюще кивнул Тамлину.

– И волосы у тебя... чистые.

Наверное, мне от зверского голода в этих словах мерещилась лесть. Я привалилась к спинке и спокойным тоном – так я могла бы говорить с любым хищником – сказала:

– Вы оба принадлежите к фэйской знати? Я правильно поняла?

Ласэн кашлянул:

– Отвечай на вопрос дамы.

– Да, – ответил Тамлин и нахмурился. Казалось, он подбирал слова. – Ты правильно поняла.

Отлично. Мне нравились немногословные люди... Немногословные фэйри – тоже неплохо. Не стоит забывать, что я убила его друга и никто не жаждал меня здесь видеть. Будь я на его месте, мне бы тоже не хотелось говорить.

– Что вы теперь собираетесь со мной делать?

Тамлин безотрывно смотрел на меня:

– Ничего. А ты делай, что хочешь.

– Значит, я здесь не на положении рабыни?

Ласэн поперхнулся вином, но Тамлин даже не улыбнулся.

– Я не держу рабов, – сказал он.

Мне сразу стало легче, но я не торопилась обольщаться.

– И все-таки на что я здесь буду тратить свою жизнь? – допытывалась я. – Чем я должна отрабатывать свое пропитание и крышу над головой? Неужели ничем?

Вопрос мой звучал глупо, особенно после слов хозяина. Но мне хотелось предельной ясности.

Чувствовалось, моя назойливость не нравится Тамлину.

– Меня не заботит, на что ты употребишь свою жизнь.

Ласэн выразительно кашлянул. Тамлин сверкнул на него глазами. Они переглянулись, мне же их молчаливый диалог был совершенно непонятен. Тамлин шумно выдохнул и спросил:

– Неужели у тебя нет никаких... интересов?

– Никаких, – сказала я.

Не рассказывать же ему про любовь к живописи. Ему и так было трудно вести со мной более или менее учтивый разговор.

– Как это похоже на людей, – пробормотал Ласэн.

Тамлин скривился, но не упрекнул друга.

– Трать свое время на что хочешь, – сказал он мне. – Только не наделай бед.

– Ты всерьез считаешь, что я останусь здесь навсегда?

На самом деле моя фраза звучала по-иному: «Значит, я буду жить в сытости и роскоши, а моя семья обречена на голодную смерть?»

– Не я устанавливал правила, – прорычал Тамлин.

– Мои близкие голодают, – сказала я.

Я не считала зазорным просить, тем более не за себя. Я дала обещание, которое привыкла выполнять. Без этого обещания я чувствовала себя пустым местом.

– Пожалуйста, отпустите меня домой. Ведь должны же быть в правилах Соглашения какие-то другие лазейки. Другие способы искупить мою вину.

– Искупить вину? – удивился Ласэн. – Ты даже прощения не попросила за убийство Андруса.

Он забыл, как совсем недавно раскланивался передо мной и говорил льстивые слова.

– Я прошу прощения, – прошептала я, глядя в его единственный красно-коричневый глаз.

Ласэн привалился к спинке стула:

– Как ты его убила? Между вами произошло кровавое сражение? Или это было хладнокровное убийство?

У меня одеревенела спина.

– Сначала я выпустила в него рябиновую стрелу. Потом обычную, в глаз. Он не пытался на меня напасть. После первого выстрела он лишь смотрел на меня.

– И ты все равно его убила, – прошипел Ласэн. – Он и раненый мог бы свалить тебя одним ударом. Но он этого не сделал. Зато ты его добила, а потом хладнокровно содрала с него шкуру.

– Довольно, Ласэн! – резко оборвал своего придворного Тамлин. – Я не желаю знать подробности.

Он повернулся ко мне – бессмертный, свирепый, непреклонный.

Не дав ему рта раскрыть, я заговорила сама:

– Без меня моя семья не протянет и месяца.

Ласэн хмыкнул. Я сердито скрежетнула зубами.

– У тебя никогда не сводило живот от голода? – спросила я. Злость, обуявшая меня, заглушала все доводы здравого смысла. – В доме – хоть шаром покати, и ты не знаешь, когда на столе снова появится еда. Такое тебе знакомо?

– Твоя семья жива, и смерть от голода им не грозит, – сказал мне Тамлин. – И еды на их столе будет больше, чем добывала ты своей охотой. Плохо же ты думаешь о фэйри. Я прекрасно сознавал, что забираю у твоего отца и сестер

единственную кормилицу. Не переживай, у них будет сытая жизнь. Я об этом позаботился.

– И ты можешь поклясться? – спросила я.

Пусть фэйри не способны врать, но я должна услышать подтверждение сказанного.

Тамлин удивленно засмеялся:

– Клянусь всем, что из себя представляю и чем владею.

– Почему ты не сказал мне об этом, когда уводил из дома?

– А ты бы поверила? Ты и сейчас не больно-то веришь.

Его когти впились в подлокотники кресла. Вполне понятный сигнал, чтобы остановить мой поток гневных слов. Но я уже не могла удержаться:

– С чего я должна тебе верить? Все вы мастера плести небылицы, лишь бы оправдать ваши действия.

– Кое-кто сказал бы, что весьма опрометчиво оскорблять фэйца в его собственном доме, – заметил мне Тамлин. – Кое-кто сказал бы, что тебе следует быть благодарной за такой поворот событий. Ведь тебя мог найти не я, а кто-то другой и так же потребовать долг. И я не знаю, какой была бы твоя жизнь... если бы была. Сомневаюсь, что такой же спокойной и сытой, как здесь.

В меня точно бес вселился. Презрев всякую осторожность, я вскочила на ноги и уже собиралась отпихнуть стул, когда невидимая сила схватила меня за руки и заставила сесть.

– Если ты не понимаешь слов, я вынужден действовать

по-другому, – отрезал Тамлин. – И неплохо сначала думать о том, что собралась сделать.

Мои ноздри обожгло запахом магии. Я попробовала елзить на стуле, испытывая прочность невидимых веревок. Но они крепко удерживали мои руки. У меня заболела спина, вдавленная в стул. Взгляд упал на нож возле тарелки. Дура, почему сразу не схватилась за него?

Тамлин снова заговорил. Его голос звучал тихо, со зловещим спокойствием.

– Должен тебя предупредить, человеческое существо. Это мое первое и единственное предупреждение. Меня не волнует, если ты покинешь мой дом и найдешь иное место в Притиании, более пригодное для твоей жизни. Но если попытаешься пересечь Стену, если сбежишь обратно в мир людей, всякая забота о твоей семье сразу же прекратится.

Его слова летели в меня, как камни. Если я сбегу... если хотя бы попытаюсь вернуться обратно... я могу оказаться проклятием для своих близких. И даже если я рискну и сумею до них добраться, что дальше? Куда я увезу отца и сестер? Кто согласится бесплатно взять нас на корабль? Но даже если представить, что найдется добрая, бескорыстная душа, мы уплывем в далекие края, скроемся от опасностей... Где мы там будем жить? И на что?

Но все равно... Этот фэец превратил благополучие моей семьи в средство помыкать мною. Стоит мне выйти за пределы дозволенного, отцу и сестрам будет грозить голодная

смерть.

Я открыла рот, однако Тамлин меня опередил. От его голоса зазвенели бокалы.

– Ты не находишь, что я предложил тебе честную сделку? Забыл добавить: если ты сбежишь, за тобой снова явится кто-то из наших. Очень сомневаюсь, что тебе вторично повезет.

Его когти исчезли.

– Пища не заколдована. В нее ничего не подмешано. Если тебе знакомо состояние, когда живот сводит от голода, тем более глупо упорствовать. Так что, Фейра, хватит валять дурака. Садись и ешь. А Ласэн постарается вести себя достойным образом.

Он посмотрел на одноглазого. Ласэн пожал плечами.

Невидимые веревки ослабли. Морщась, я подвигала руками, затем опустила их под стол. Увы, ноги и туловище оставались привязанными. Взглянув в пылающие зеленые глаза Тамлина, я поняла: он не выпустит меня из-за стола, пока не поем. Придется мысли о побеге отложить на потом. А пока... пока... Я потянулась к серебряной вилке.

Тамлин и Ласэн продолжали следить за каждым моим движением. Они видели, как раздулись мои ноздри, когда я принялась к еде на тарелке. Металлом не пахло. И потом, фэйри не умеют врать. Все, сказанное им насчет еды, – правда. Я вонзила вилку в куриное мясо, откусила и принялась жевать.

Я сама была готова урчать, как голодный зверь, дорвавшийся до пищи. Уже не помню, когда я в последний раз лакомилась столь вкусным, сочным мясом. Даже наши обеды в особняке не шли ни в какое сравнение с этой трапезой. Что говорить о жестковатой оленине, приправленной лишь солью? Я умяла все содержимое тарелки. Фэйцы по-прежнему следили за каждым моим жестом. Я потянулась за шоколадным тортом, вкуса которого вообще не помнила. Быстро проглотив одну порцию, я захотела вторую, но, едва протянула руку, все кастрюли и тарелки исчезли, словно их и не было. Осталась лишь моя тарелка с крошками торта.

Глотая слюну, я положила вилку. Мне не хотелось, чтобы они видели мою дрожащую руку.

– Не думай, что мне жалко еды, – сказал Тамлин, отхлебывая из бокала. Ласэн ехидно усмехнулся, ерзая на стуле. – Но твой желудок может взбунтоваться и исторгнуть все, что ты в него напихала.

Невидимые веревки ослабли. Молчаливое позволение уйти.

– Спасибо за угощение, – сказала я.

Ничего другого придумать не смогла. От сытого брюха мой разум сразу обленился.

– А тебе не хочется посидеть с нами за бокальчиком вина? – ядовито-сладким голосом спросил Ласэн.

Я уперла ладони в стул, намереваясь встать.

– Устала я. И спать очень хочется.

– Тебя еще на свете не было, когда я в последний раз видел твою породу, – сказал Ласэн. – Прошел не один десяток лет, а люди ничуть не изменились. Вряд ли я изменю правилам хорошего тона, если спрошу: почему тебе столь неприятно наше общество? Я уверен, что мужчины в твоей убогой деревушке значительно уступают нам.

Тамлин наградил своего посланца долгим предостерегающим взглядом, который Ласэн предпочел не заметить.

– Вы оба – из фэйской знати, – сказала я, опять вступая на скользкую дорожку. – Честное слово, я не понимаю, зачем вы пригласили меня сюда, да еще усадили с собой за стол. Я же для вас... что-то вроде говорящей зверюшки.

Какая же я дура! За подобные речи меня уже следовало бы десять раз убить.

– Есть такое, – усмехнулся Ласэн. – Но сделай мне одолжение. Как-никак ты – молодая человеческая женщина. Наше общество должно было бы тебе льстить, однако вижу: ты скорее согласилась бы глотать горячие угли, чем задержаться здесь лишние полчаса. Если не обращать внимания на это, – Ласэн указал на свой металлический глаз и уродливый шрам, – мы вовсе недурны собою.

Сколько высокомерия и тщеславия! Хотя бы в этом легенды о фэйри не соврали. Однако в моем положении такие знания лучше спрятать подальше.

– Но может, у тебя в деревне остался суженый? – продолжал Ласэн. – Или у дверей твоей лачуги постоянно толкуются

женихи? Тогда, естественно, ты избалована мужским вниманием и мы кажемся тебе чем-то вроде червей.

Мне надоело его кривлянье, и я призналась:

– В деревне я была близка с одним мужчиной.

«И жила своей жизнью, прежде чем правила Соглашения вырвали меня из нее. Прежде чем я убедилась, что вам позволительно делать с нами что угодно, а мы едва ли можем сопротивляться».

Тамлин и Ласэн переглянулись.

– И ты любишь этого мужчину? – спросил Тамлин.

– Нет, – ответила я со всей небрежностью, на какую была способна.

Я сказала правду. Но даже если бы и любила Икаса, не призналась бы. Достаточно того, что фэйцы узнали о существовании моей семьи. Я не хотела добавлять туда еще и Икаса.

Тамлин и Ласэн снова переглянулись.

– А кого-нибудь другого ты... любишь? – не разжимая губов, спросил Тамлин.

Мне вдруг стало смешно. Я расхохоталась, чувствуя, что мой выплеск может добром не кончиться.

– Нет, – ответила я, взвизгивая от смеха.

Разве этим бессмертным существам, наделенным магическими способностями, больше нечем заняться?

– Неужели вас это всерьез интересует? – выдохнула я. – Неужели вы действительно хотите знать, нахожу ли я вас оба-

ательнее человеческих мужчин? Неужели вас всерьез волнует, остался ли у меня кто-то в деревне? Какой смысл расспрашивать меня, если я застряла здесь до конца своих дней?

Мой смех сменялся злостью.

– Как раз потому, что ты здесь надолго, мы и хотели побольше о тебе узнать, – сказал Тамлин, и у него снова поджались губы. – Но Ласэн весьма горделив, и это сказывается на его манерах.

Он вздохнул, готовый отпустить меня из столовой.

– Иди отдыхай. Обычно мы с Ласэном бываем заняты днями напролет. Если тебе что-то понадобится, обратиться к слугам. Они помогут.

– Но почему? – не унималась я. – Откуда такая щедрость?

Единственный глаз Ласэна говорил: «Я сам не понимаю». Неудивительно, если учесть, что я убила их друга и соратника. Тамлин, прежде чем ответить, долго смотрел на меня.

– Мне и так приходится слишком часто убивать, – сказал он, пожимая широкими плечами. – Твое присутствие никак не скажется на моем поместье. Если, конечно, ты не начнешь убивать нас.

У меня слегка покраснели щеки и шея. Конечно, мое присутствие никак не скажется на жизни каждого из них, их власти и силе. Ну кто я для них? Никчемность. Такая же никчемность, как мои выцветшие, потрескавшиеся росписи, которыми я украшала наш дом.

– Спасибо, – сказала я, не ощущая ни капли благодарно-

сти.

Тамлин отрешенно кивнул, позволяя мне уйти. Человеческой никчемности разрешили отправиться спать. Уперев подбородок в кулак, Ласэн проводил меня ленивой улыбкой.

С меня довольно. Я действительно устала и хотела спать. Я встала и попяtilась к двери – повернуться к ним спиной я не решалась. Это все равно что повернуться спиной к волку и гадать, бросится он на тебя или нет. Тамлин и Ласэн молчали. Я выскользнула за дверь.

Через мгновение коридоры наполнились раскатистым смехом Ласэна, затем послышалось рычание Тамлина, и смех прекратился.

Хотя никто не делал поползновений меня убить или съесть, спала я отвратительно. Замок на двери комнаты казался мне скорее игрушкой, чем настоящим засовом.

* * *

Проснувшись я на рассвете, но продолжала лежать, глядя в затейливый потолок. Я наслаждалась мягкостью перины и смотрела, как утренний свет просачивается между занавесок. Дома я обычно вставала очень рано, хотя сестры и шипели на меня, недовольные тем, что разбудила и их. Дома я бы уже отправилась в лес, дорожа каждой минутой короткого зимнего дня; шла бы по скрипучему снегу, слушая чирикание редких зимних птиц. Но здесь было тихо. Тихо в мо-

ей комнате, тихо в громадном доме. Кровать была для меня совершенно чужой и пустой. Я привыкла спать, согреваемая теплом сестринских тел. Живое тепло греет лучше здешних одеял.

Неста теперь могла всласть вытянуть ноги. Я представила ее улыбающейся: как же, места на кровати стало больше. Наверное, ей доставляло удовольствие представлять меня съеденной прямо в лесу. Случившееся позволяло ей хотя бы ненадолго стать важной персоной среди односельчан. Быть может, те немного сжалятся над отцом и сестрами и помогут едой или деньгами. А может, Тамлин дал им столько еды или денег, что мои близкие без труда перезимуют. Впрочем, события могут развернуться и по-иному. Невольные связи моей семьи с Притианией насторожат односельчан, и отца с сестрами выгонят из деревни.

Я уткнулась лицом в подушку и повыше натянула одеяло. Если Тамлин и впрямь позаботился о моей семье, меня там не ждут и моему возвращению никто не обрадуется. Когда привык вечно недоедать, а то и голодать, сытое брюхо становится дороже сестры и дочери.

«И волосы у тебя... чистые». Какой дурацкий комплимент. Но если Тамлин сохранил мне жизнь и позвал жить в свой дом, значит он... не может быть законченным злодеем. Возможно, он пытался сгладить жуткое начало нашего знакомства. Я допускала вероятность – всего лишь вероятность, что мне удастся его убедить и он поищет лазейки,

позволяющие обойти Соглашение. Я не представляла, как он это сделает. Возможно, с помощью магии. Или с чьей-то помощью...

Мысли цеплялись одна за другую. Я пыталась выбраться из их чащи и думать связно, но тут дверной замок щелкнул и...

Раздался пронзительный визг, затем глухой стук. Я вскопчила как ужаленная. На полу живой горой высилась Асилла. Веревки у меня в комнате не было – сгодился и шелковый шнур, окаймляющий низ занавесок. Оторвав его от ткани, я соединила несколько кусков и натянула. Мало ли кому вздумается ночью подкрасться ко мне. Я могла бы соорудить целый силовик, но для него требовались настоящие веревки. К тому же мне ужасно хотелось спать.

– Прошу прощения, прошу прощения, – бормотала я, выпрыгивая из кровати.

Но Асилла уже поднялась и шумно отряхивала свой фартик, поглядывая на мою «заградительную линию».

– Что за Котел бездонный! – воскликнула служанка.

Фэйских ругательств я не знала.

– Я не думала, что ко мне так рано зайдут. Я бы потом сняла.

Асилла смерила меня взглядом:

– Неужели жалкий кусок веревки помешает мне переломать твои кости?

У меня внутри все похолодело.

– Или ты считаешь, что могла бы справиться с кем-то из нас?

Если бы не презрительная усмешка, я бы и дальше продолжала бормотать извинения. Но теперь мне расхотелось извиняться. Я встала, скрестив руки, и сказала:

– Я не ловушку ставила. Это что-то вроде сигнального колокольчика, чтобы успеть убежать.

Она была готова плюнуть мне в лицо. Потом острые карие глазки Асиллы сощурились.

– Глупая ты девка. Тебе от нас не убежать.

– Я поняла, – вздохнула я. Мое сердце перестало колотиться. – Но смерть хотя бы не застигла меня врасплох.

Асилла засмеялась. Смех у нее был грубым и напоминал собачий лай.

– Тебя наш хозяин привез сюда жить, а не помирать. Нам сказано тебя пальцем не трогать. Мы повинемся.

Она подошла к окнам, взглянула на искромсанные занавески и покачала головой:

– И зачем было такую красоту гробить?

Только сейчас я заметила, как варварски обошлась с занавесками. Окаймление оторвано, что называется, «с мясом». Красивые занавески превратились в жалкие лоскуты. Честное слово, я не хотела «гробить красоту». Сейчас я была похожа на напраказившую девчонку, которой не столько стыдно, сколько смешно. Естественно, я попыталась спрятать улыбку.

Асилла содрала остатки занавесок. В окна смотрело темно-синее небо с оранжевыми и малиновыми полосами расцвета.

– Ты прости меня, – сказала я служанке.

Асилла щелкнула языком:

– Вижу, ты готова драться за свою жизнь. Мне это по нраву. Только спуску от меня не жди.

В комнату вошла вторая служанка в птичьей маске. В руках она держала поднос с завтраком. Пожелав мне доброго утра, она опустила поднос на столик у окна и прошла в умывальную, где загремела тазами.

Я присела к столику, внимательно разглядывая завтрак: кашу и яичницу с беконом. Вполне человеческая еда. Правда, у кого есть деньги на яйца и бекон? Сама не знаю, почему я думала, что фэйри едят исключительно сырое мясо? Напиток, который Асилла налила мне в чашку, пах жасминовым чаем. Когда-то и мы пили такой.

– Как называется это место? – тихо спросила я. – Где оно находится?

– Место это безопасное. Все остальное тебе знать не обязательно, – ответила Асилла, отставляя чайник. – Во всяком случае, в доме и вокруг него. Если тебя потянет дальше, держи ухо востро.

Хорошо. Если она не хочет отвечать... я зайду с другого бока.

– А каких фэйри мне следует опасаться?

– Всех, – не задумываясь ответила Асилла. – Защита моего хозяина распространяется только на дом и ближайшие земли. Фэйри захотят выследить тебя и убить просто потому, что ты – человек. А как ты обошлась с Андрасом – это уже дело десятое.

Опять уклончивый и совершенно бесполезный ответ. Я взялась за еду, а Асилла отправилась в умывальную. Поев и умывшись – меня заставили облиться теплой водой, – я отказалась надевать платье и выбрала себе другой камзол, темно-пурпурный, почти черный. Наверняка этот цвет имел свое название, которое я, к сожалению, не знала. Я запомнила сам цвет. Штаны и сапоги у меня остались вчерашние. Я села перед мраморным столиком с зеркалом, и Асилла принялась расчесывать мне влажные волосы и заплетать в косу. Увидев в зеркале свое отражение, я невольно сжалась.

Я сама не могла понять, что мне не нравилось в собственном отражении. От матери я унаследовала сравнительно прямой нос. Я и сейчас помнила, как она водила носом, изображая восхищение, когда кто-то из ее сказочных друзей скучно и нелепо шутил.

От отца мне достался мягкий чувственный рот, который скверно сочетался с заостренными скулами и впалыми щеками. Особенно меня бесили мои чуть раскосые глаза. Я смотрела в зеркало, а видела Несту или даже мать. Может, поэтому старшая сестра постоянно язвила в адрес моего облика? Я вовсе не дурнушка, но... Мое лицо взяло слишком много

от людей, которых мы ненавидели и любили. Для Несты это было невыносимо. И для меня – тоже.

Тамлин, как и любой знатный фэец, привык к безупречной красоте, недостижимой для смертных женщин. Конечно, ему было тяжело придумать для меня комплимент...

Асилла заплела мне косу, и я вскочила со скамьи, прежде чем она успела вплести туда несколько живых цветков, которые принесла с собой в корзине. К такой роскоши я не привыкла... Быть может, привыкла бы, если бы наша семья не обеднела. Обычно я соизмеряла свой внешний вид с лесом, а в лесу человеческая красота ничего не значила.

Я спросила у Асиллы, чем мне теперь заняться. «Чем я стану здесь заниматься всю свою смертную жизнь?» – так должен был звучать вопрос. Она пожала плечами и предложила погулять по саду. Я чуть не засмеялась на столь странное предложение, но решила вести себя поумнее. Глупо отпихивать возможных союзников. Я не сомневалась, что служанка обо всем докладывала Тамлину, расспрашивать ее, даже осторожно, было опасно. Что ж, прогулка – неплохая возможность приглядеться к окрестностям и к тем, кто населял поместье Тамлина. Возможно, у меня появятся и другие союзники. Я по-прежнему не собиралась здесь задерживаться.

Коридоры оказались на удивление тихими и пустыми. Странно для столь громадного поместья. Вчера Тамлин что-то говорил о «других», мне показалось, речь шла о слугах. Куда же все попрятались? Или это тоже особенность фэй-

ских поместий? Легкий ветер, гулявший по коридору, пах... гиацинтом. Так пахло в садике Элайны. Здешний запах – куда мощнее. Где-то весело распевала овсянка. Дома я бы еще нескоро услышала ее щебетанье. Там мне было не до птичьих трелей.

Я почти дошла до главной лестницы, когда заметила картины.

Вчера я не особо вертела головой, но сейчас, в пустом коридоре, никто не мешал мне спокойно рассмотреть каждую из них... Меня остановили всполохи ярких красок на темном, мрачноватом фоне. Ничего подобного я прежде не видела. Такое буйство цвета! Мазки были объемными, и мне захотелось их потрогать. Я чуть ли не впритык подошла к золоченой раме.

«Ну чему ты удивляешься? Это всего лишь натюрморт», – сказала часть меня, больше настроенная на здравый смысл. И действительно. Натюрморт изображал зеленую стеклянную вазу с цветами. Им было тесно, они так и норовили вырваться из узкого горлышка вазы. Но какие это были цветы! Казалось, натюрморт собрал все формы и оттенки. Неведомый мне художник запечатлел розы, тюльпаны, выюнки, золотарники, веточки папоротников, пионы...

Художник обладал несомненным талантом. Цветы на холсте выглядели как живые, но в них чувствовалось что-то еще, делающее их более чем живыми... Казалось бы, обыкновенная ваза с цветами, темный фон. Но что-то наполняло каж-

дое растение особым светом. Яркие, звенящие цветы словно вели поединок с окружавшими их тенями. А сколько мастерства требовалось, чтобы изобразить саму вазу, наполненную водой, передать все оттенки и переливы света. Ваза выглядела невесомой. Она не стояла, а парила над каменным постаментом... Потрясающе.

Я могла бы задержаться здесь на целый день, разглядывая многочисленные картины на стенах. Но... сад. Я должна осмотреть сад. Нельзя забывать о своих замыслах.

Я шла дальше. Люди любили истории о дикости фэйри, но их собственные жилища – куда более дикие, чем это. Здесь я ощущала... странный покой, в чем была вынуждена признаться.

Настоящие фэйцы оказались мягче и отзывчивее, чем те, о которых рассказывали легенды и слухи. Может, я сумею убедить Асиллу в своем бедственном положении. Нужно завоевать ее расположение. Постепенно объяснить ей, что Соглашение не может требовать с меня такую непомерную плату. Глядишь, с ее помощью я узнаю, как избавиться от непомерного долга...

– Это ты, – раздалось у меня за спиной.

Я даже подпрыгнула от неожиданности. Из стеклянных дверей, что вели в сад, лился свет и очерчивал крупный мужской силуэт.

Тамлин. На нем была воинская одежда с глубоким вырезом, открывавшая верхнюю часть его загорелого муску-

листого тела. В перевязи я увидела рукоятки трех простых ножей. Каждый – достаточно длинный. Я представила, как лезвие такого ножа втыкается мне в живот, и поморщилась. «Можно подумать, что когти лучше», – заметил мне здравый смысл. Светлые волосы Тамлина были убраны назад, обнажая заостренные уши. Как и вчера, его лицо закрывала странная маска.

– Куда ты направлялась? – хмуро спросил Тамлин.

Может, он успел забыть мое имя?

Разглядывая картину, я присела на корточки. Только сейчас у меня хватило силы выпрямиться.

– Доброе утро, – сухо произнесла я.

Все-таки мое приветствие звучало лучше, чем угрюмое «это ты».

– Вчера ты говорил, что я могу проводить время, как мне понравится. Оказывается, я под домашним арестом.

Он выпятил челюсть:

– С чего ты взяла?

Чувствовалось, ему не хочется говорить со мной. Ему неприятно даже от того, что он наткнулся на меня в коридоре. Но я не могла отвести глаз от его мужской, сильной красоты. Этот сильный подбородок, эта гладкая, упругая, загорелая кожа золотистого цвета. Наверное, если с него снять маску, я увижу обаятельное лицо.

Сообразив, что я не собираюсь отвечать на вопрос, Тамлин оскалил зубы. Посчитаем это попыткой улыбнуться, –

подумала я, а он спросил:

– Хочешь прогуляться?

– Нет, спасибо, – ответила я, сознавая всю неуклюжесть своих движений.

Я попыталась обойти Тамлина, но он загородил мне путь.

– Я целое утро просидел внутри. Мне необходимо выйти на свежий воздух, – сказал он.

Мне вспомнились его вчерашние слова: «Твое присутствие никак не скажется на моем поместье».

– Здесь даже внутри легко дышится. – Я пыталась незаметно обойти Тамлина. – Ты очень любезен.

Я старалась, чтобы мои слова звучали искренне.

Его улыбку я бы не назвала приятной. Похоже, Тамлин не привык слышать отказы.

– Ты меня по-прежнему боишься? – спросил он.

– Нет, – тихо ответила я и прошла через стеклянные двери.

Вначале я услышала негромкое рычание, потом слова:

– Фейра, я не собираюсь тебя убивать. Я не нарушаю обещаний.

Я обернулась через плечо, едва не споткнувшись на ступеньках лестницы. Тамлин казался мне древней статуей, высеченной из того же камня, что и стены его поместья.

– Можно причинить вред и не убивая! – крикнула я. – Чем не лазейка? Ласэн вполне может воспользоваться ею. Да и другие тоже.

– Всем приказано тебя пальцем не трогать.

– Однако меня накрепко заперли в твоём мире. Меня наказали за нарушение правила, о котором я даже не подозревала. Начать с того – почему твой друг оказался в лесу? Я думала, Соглашение запрещает вам вторгаться в наши земли.

Тамлин молча смотрел на меня. Быть может, я зашла слишком далеко, забросав его вопросами. Но я же спрашивала не из праздного любопытства. Это он способен понять?

– Соглашение запрещает нам только одно – порабощать вас, – тихо произнес Тамлин. – Стена – не более чем досадная помеха. Если бы мы захотели, разрушили бы ее, вошли бы на ваши земли и перебили бы всех вас.

У меня кровь заледенела. Возможно, мне суждено навсегда остаться в Притиании, но моя семья...

– Вы всерьез собираетесь разрушить Стену?

Тамлин оглядел меня с ног до головы, словно решая, достойна ли я его объяснений.

– Меня совершенно не интересуют земли смертных. Но говорить от имени всего народа фэ я не могу.

И опять это не было ответом на вопрос.

– Тогда что твой друг делал в наших лесах?

Тамлин замер. Он сделал это с таким изяществом, что мне стало завидно. А я-то считала, что здорово умею застывать на месте.

– В наших землях... появилась болезнь. Ею охвачена вся Притиания. Со времени ее появления прошло без малого

полсотни лет. Потому здесь так пусто: и в доме, и окрест. Большинство жителей... покинуло нас.

Он говорил медленно, словно ему было тяжело рассказывать об этом смертной девчонке.

– Недуг распространяется медленно, но он сильно повлиял на... нашу магию. Мои магические способности уменьшились. Эти маски, – он постучал по своей, – жестокое напоминание о первом всплеске болезни. Она поразила нас сорок девять лет назад, во время маскарада. С тех пор маски приросли к нашим лицам и мы не можем их снять.

Я оторопела. Обреченные носить маски. Целых пятьдесят лет. Я бы, наверное, взяла брусок, на котором точила ножи, и содрала бы маску вместе с кожей.

– Но в зверином обличье ты был без маски.

– Это лишь подчеркивает коварство и жестокость нашей болезни.

Или живи в обличье зверя, или таскай на себе маску. Хорош выбор!

– А что за болезнь?

– В общем-то, это не болезнь в привычном понимании. Не моровое поветрие. Она сказывается лишь на магических способностях живущих в Притиании. Андрас в тот день пересек Стену, потому что я послал его на поиски лекарства.

– А для людей эта болезнь тоже опасна? – спросила я, сразу вспомнив о своих. – Может ли и она пересечь Стену и вторгнуться в наш мир?

– Да, – ответил Тамлин. – Весьма возможно, что она опасна и для смертных. Как именно – не знаю. Распространяется она очень медленно, и пока людям нечего бояться. У нас тоже после той вспышки болезнь как бы замерла. И так уже несколько десятков лет. Вроде бы даже магические способности восстановились, но уже не те, что прежде. Гораздо слабее.

Если Тамлин так откровенно рассказывал мне фэйскую тайну, значит он был уверен, что я уже никогда не вернусь в мир людей. Представляю, как обрадовались бы люди, узнав, что фэйри, оказывается, тоже уязвимы.

– Мне одна наемница рассказывала, что фэйри подумывают о нападении на наш мир. Это как-то связано с вашей болезнью?

Кажется, мои слова его удивили. Он даже улыбнулся, но одними губами.

– Не знаю. А ты часто разговариваешь с наемниками?

Я насторожилась.

– Я разговариваю со всеми, от кого можно узнать что-то полезное.

Тамлин выпрямился. Если бы не его обещание сохранить мне жизнь, я бы сжалась в комок. Он качнул плечами, словно сбрасывая раздражение.

– Веревка, что ты натянула у себя в комнате, предназначалась для меня?

– Если даже и так? – с дурацким вызовом спросила я. –

Меня же сюда не в гости позвали.

– Между прочим, Фейра, я бы мог не вылезать из звериного обличья. Мне в нем свободнее дышится. Но я не хочу тебя пугать.

Он все-таки помнил мое имя. «Не хочу тебя пугать». А у самого под кожей просматривались острые загнутые когти.

Заметив мой взгляд, Тамлин спрятал руки за спину и резко бросил:

– Встретимся за обедом.

Он не приглашал, а приказывал явиться на обед, однако я кивнула. Я пошла по дорожке среди живых изгородей, не зная, куда иду. Главное – подальше от него.

Люди и не подозревали, что в мире их грозных соседей уже полвека свирепствует странная болезнь, лишаящая фэйри магической силы... Магический недуг, который однажды может выплеснуться и в человеческий мир. Когда-то люди тоже владели магией, но это было давно, несколько сотен лет назад. Мы и так-то чувствовали себя беззащитными перед фэйри. А теперь...

Интересно, хоть кто-то из фэйри намекнет людям?

Ответ я получила раньше, чем ожидала.

* * *

Глава 8

Я делала вид, что брожу по великолепным молчаливым садам и люблюсь их красотой. Но сейчас меня больше занимали не цветы на клумбах и не безупречно подстриженные живые изгороди, а расположение дорожек и места, где при случае можно спрятаться. Тамлин забрал весь мой арсенал. Ничего. Где-нибудь в саду найдется рябина, из ветвей которой я сделаю новые стрелы. И оружейная комната в этом поместье тоже есть. А если нет, я найду способ раздобыть оружие. Если понадобится, украду. На всякий случай.

Вчера перед сном я обследовала окна своей комнаты. Никаких засовов. Открыть створку и выбраться наружу труда не составит. Веревками мне послужат стебли глицинии: они достаточно прочные, а я не настолько тяжелая. Высоты я не боялась. Привыкла лазать по деревьям. Я не собиралась бежать этой же ночью... но подготовиться не помешает. Также на всякий случай.

Мне вспомнились слова Асиллы. В других местах Притии меня вполне могли убить за одну только принадлежность к роду человеческого. И еще эта странная болезнь... Наверное, разумнее пока остаться здесь и присмотреться.

Но я никак не желала смириться с мыслью, что застряла здесь навсегда. Даже если о моей семье и заботятся. Я обязательно буду искать союзников, способных переубедить Там-

лина.

«Хотя Ласэн – на него можешь и рявкнуть, если смелости хватит. Он стерпит», – сказала мне вчера Асилла.

В отличие от Несты и Элайны, я не заботилась о своих ногтях. Более того, я их грызла. Это помогало мне думать. Вот и сейчас я шла по дорожке, терзая щербатые ногти, и обдумывала побег. Особенно его слабые стороны. Я никогда не отличалась красноречием и не владела искусством словесных баталий. Сестры пошли в нашу покойную мать, они умели утонченно ругаться между собой и с окружающими.

Льстить и хитрить я тоже не слишком умела... Наемница, купившая мои шкуры, вполне могла бы меня облапошить.

Кого же еще я смогу привлечь на свою сторону? Подумав, я поняла: Ласэна! Пусть он терпеть меня не может, это даже хорошо. Ему не нравилось мое появление в поместье, недаром он предлагал Тамлину меня убить. И он будет только рад моему исчезновению. Надо, чтобы он убедил Тамлина поискать иной способ выполнить Соглашение. Конечно, если такие способы существовали.

Мне попалась открытая беседка, увитая цветущей наперстянкой. Внутри стояла скамейка. Я решила немного посидеть и уже направилась к ней, как вдруг услышала шаги – стремительные и легкие. Идущих было двое. Я быстро повернулась, но дорожка пустовала.

Сидеть мне расхотелось. Я остановилась у края лужка, густо поросшего лютиками. Там тоже было пусто, если не

считать порхающих насекомых. Я продолжала наблюдение. Взгляд упал на кривую дикую яблоню, что росла возле самой беседки. Белые лепестки ее цветов устилали землю под деревом. Подул легкий ветер, и цветы снегопадом опустились на скамейку.

Мне не почудилось. Я отчетливо слышала шаги и хотела узнать, чьи они. Ни в ветвях яблони, ни за нею я тоже ничего не обнаружила. Зато почувствовала знакомое покалывание в спине. Лес научил меня доверять охотничьим инстинктам.

Рядом кто-то был. И эти кто-то находились у меня за спиной, принюхивались. Потом раздалось негромкое хихиканье. Может, в поместье живут дети, которые решили меня напугать? Я обернулась через плечо. Ничего необычного. Правда, краешком глаза я ухватила яркий серебристый свет.

Нужно повернуться лицом.

Я повернулась. Гравий снова заскрипел, теперь уже ближе. Я увидела, но опять краешком глаза. Из серебристого света появились две фигуры, похожие на детские. Обе – мне по пояс. Пальцы невольно сжались в кулаки.

– Фейра! – послышался вдруг зычный голос Асиллы.

Я вздрогнула от неожиданности.

– Фейра, есть пора!

Я хотела предостеречь ее о странных существах, но те исчезли вместе со своим принюхиванием и хихиканьем. Передо мной стояла всего-навсего садовая скульптура, изображавшая двух веселых ягнят, сцепившихся рожками. Я рас-

тирала одереженевшую шею, даже не пытаясь искать объяснения случившемуся.

Асилла снова меня позвала. Я шумно вздохнула и поспешила обратно, возвращаясь тем же путем, каким пришла. Все время, пока я шла, опасливо поглядывая на кусты и деревья, меня не покидало ощущение, что кто-то с любопытством следит за мною, изнывая от желания поиграть.

* * *

Обедали здесь поздно, у нас в такое время обычно ужинали. За обедом я стащила нож – хоть какое-то оружие для защиты.

Оказалось, что в столовой мне нужно появляться только раз в день – на обеде. Это меня обрадовало. Трижды в день встречаться с Тамлином и Ласэном... я бы такого не выдержала. Меня еле хватало на час сидения за их роскошным столом. Я старалась вести себя так, чтобы не вызывать у них подозрений. Пусть думают, что я побрыкалась немного и покорила судьбе.

Металлический глаз Ласэна был диковинной магической штучкой, позволявшей ему видеть. Однако Ласэн принялся на что-то жаловаться Тамлину, и, пока он говорил, я незаметно сунула нож в рукав камзола. Мое сердце громко билось, и я боялась, как бы фэйцы не услышали. Но Ласэн продолжал сетовать, а Тамлин внимательно слушал и глядел

только на своего придворного.

Наверное, мне следовало бы с сочувствием отнестись к этим фэйцам, вынужденным пятьдесят лет подряд оставаться в масках. Грешно радоваться чужим болезням, даже если они поражают твоих врагов. Быть может, далеко не все фэйри злые и кровожадные. Но сочувствия не получалось. Каждое мое слово у Ласэна вызывало смех. «Это так похоже на людей», – говорил он, добавляя что-нибудь о моем невежестве. Я бы нашла, что ему ответить, но решила не злить Ласэна. Я должна завоевать его расположение, а это требовало терпения и сил, особенно если учесть, что я убила его друга. Как найти подход к Ласэну, не вызвав подозрений Тамлина? Ответа я пока не знала.

Сегодня я съела меньше, чтобы сытость не мешала думать. Я отодвинула тарелку и стала наблюдать за Тамлином и его посланцем. Огонь очага красиво подсвечивал рыжие волосы Ласэна, играл драгоценными камнями на эфесе его меча. Дорогой, богатый меч не шел ни в какое сравнение с простыми ножами Тамлина – кожаная перевязь и сейчас висела у него на груди. Роскошная отделка и чеканный узор лезвия не мешали этому мечу быть серьезным боевым оружием. Но с кем здесь воевать? Может, с невидимыми существами из сада? Или с кем-то серьезнее и опаснее? Ведь не просто так Ласэн лишился глаза и получил шрам на все лицо. От этой мысли у меня похолодела спина.

Асилла говорила, что в доме безопасно, но предупреди-

ла, чтобы я не теряла бдительности за его стенами. Кто-то попытается обмануть мое человеческое чутье. Это она мне тоже говорила. Далеко ли распространяется власть Тамлина, оберегающая мою жизнь?

Ласэн ухмылялся, поглядывая на меня. Ухмылка делала его шрам еще отвратительнее.

– Фейра, ты любишь моим мечом? Или думаешь, как бы им завладеть и меня прикончить?

– Не смешно, – тихо ответила я и посмотрела на Тамлина. Даже издали мне были видны золотые крапинки, блестящие в его глазах. Сердце снова забилося. Вдруг он слышал, как я воровала нож? Я заставила себя снова повернуться к Ласэну.

Он все так же улыбался, лениво и зловеще. Сколько же сил мне понадобится, чтобы завоевать его расположение? Если постараться, у меня получится... Получится.

– Фейра любит охотиться, – нарушил молчание Тамлин.
– Не люблю я охотиться! – можно было ответить и повежливее, но меня опять понесло. – Я охотилась по необходимости. С чего ты решил, что я люблю охотиться?

Взгляд Тамлина стал пристальным, оценивающим.
– Я видел лук и стрелы в твоём... доме. – Он едва удержался, чтобы не сказать «в твоей лачуге». – Взглянув на руки твоего отца, я понял, что он из лука не стреляет.

Кивком подбородка он указал на мои мозолистые, покрытые шрамами руки.

– Уходя, ты говорила своим, как поступить с мясом, и просила не тратить понапрасну деньги, которые ты получила за проданные шкуры. Уж что-то, а глупость фэйри не свойственна. Не знаю, может, нелепые человеческие легенды и представляют нас глупцами.

Когда мы только появились в деревне, местная ребятня дразнила нас, издеваясь над нашим разорением. Я не позволяла их обидным словам задевать душу, а вот Элайна часто приходила домой в слезах. Неста в такие минуты превращалась в статую. Ее глаза светились нескрываемым презрением к простолюдинам. С годами это забылось и вдруг сейчас вспомнилось. Наверное, Тамлину и Ласэну я казалась смешной и жалкой. Вроде бы это не должно меня задевать, я не страдала отсутствием гордости и чувства собственного достоинства. Но эти бессмертные и беззаботные фэйри, у которых столько еды, что вся наша деревня могла бы сыто прожить целый год... почему-то рядом с ними моя гордость разлеталась в щепки.

На тарелке у меня остались хлебные крошки и островки подливы. Дома я бы дочиста вылизала тарелку, мечтая о добавке. А посуда! Фейри действительно ели на золоте! Продав всего одну такую тарелку, я бы смогла купить упряжку лошадей, плуг и приличный кусок земли.

Роскошь и изобилие этого поместья были мне столь же противны, как и мое быстрое привыкание к новым условиям.

Ласэн кашлянул:

– Да, забыл спросить. Тебе сколько лет?

– Девятнадцать.

Я старалась говорить как можно вежливее и учтивее.

Ласэн прищелкнул языком:

– Такая молодая и такая угрюмая! И успела стать опытной убийцей!

Мои пальцы сжались в кулаки. Я глубоко втянула в себя воздух, пытаюсь успокоиться. Они должны видеть меня покорной, безобидной, ручной... Я пообещала матери и сдержу обещание. Забота Тамлина о моей семье и моя забота об отце и сестрах – не одно и то же. Возможно, моя сумасбродная мечта еще и исполнится. Сестры благополучно выйдут замуж, а я останусь с отцом. Нам будет хватать еды. У меня появится время на живопись. Возможно, я узнаю, чего же хочу. Такое вполне может произойти где-нибудь в далекой стране... если я сумею отсюда выбраться. Если мне позволят вернуться. Я могла лелеять свои мечты. Наверное, узнав о них, фэйская знать покатила бы со смеху, а Ласэн опять бы сказал: «Это так похоже на людей». Им не понять, как можно довольствоваться малым.

Я ведь почти ничего не знала о месте, в котором оказалась. Никакие сведения не бывают лишними. Если я буду внимательнее относиться к своим хозяевам, их отношение ко мне тоже потеплеет? Я же должна узнать, кто хихикает и разгуливает по дорожкам окрестных садов.

– Скажите, а на что вы тратите ваши бессмертные жизни?

Спасаете людей от опасностей Соглашения и наслаждаетесь вкусной едой? – спросила я, выразительно посмотрев на перевязь, военную одежду и меч Ласэна.

Как всегда, Ласэн ухмыльнулся:

– Не только. В полнолуние мы танцуем с духами. Мы крадем из колыбелей человеческих младенцев и заменяем их маленькими оборотнями. И еще...

– А разве... – перебил его Тамлин, – разве твоя мать не рассказывала тебе о нас?

Я опустила руку под стол, царапая обломанными ногтями жесткую древесину.

– У моей матери не было времени рассказывать мне сказки и истории.

Эту часть своего прошлого я могла раскрыть. Мертвым фэйри не причинят вреда.

Как ни странно, Ласэн не засмеялся.

– Она давно умерла? – спросил Тамлин, нарушив тяжелое молчание.

Увидев мой удивленный взгляд, он пояснил:

– Кроме тебя и сестер, признаков других женщин я не увидел.

Я не нуждалась в его сочувствии. С другой стороны, в его вопросе не было ничего оскорбительного, такое могли спросить и люди.

– Ее свалил тиф. Мне тогда было восемь.

Я встала, чтобы выйти, но Тамлин меня окликнул. Я обер-

нулась. У него на щеке напряглась жилка.

Ласэн попеременно смотрел на нас и молчал, вращая металлическим глазом. Потом Тамлин тряхнул головой. Со всем как волк.

– Прими мои запоздалые соболезнования, – пробормотал он.

Я сумела не поморщиться и молча ушла. Я не хотела слушать его запоздалые соболезнования и не нуждалась в них. Тем более что давно не горевала по матери и даже не вспоминала ее. Пусть Тамлин прогонит меня, как грубую, неотесанную деревенскую девку, недостойную его трепетной заботы.

Я решила не затягивать разговор с Ласэном. Надо, чтобы он повлиял на Тамлина, и как можно скорее, пока здесь не появились «другие», о ком они вскользь упомянули вчера. И пока их страшная болезнь не расползлась. Я решила, что завтра же и поговорю с Ласэном. Заодно проверю, можно ли на него рычать.

У себя в комнате я разыскала полотняный мешок и положила туда смену белья и украденный нож. Столовый нож – оружие никудышное, но лучше такое, чем ничего. Если мне вдруг разрешат уйти отсюда, я не должна тратить время на сборы.

Если мне вдруг разрешат...

Глава 9

Утром, пока Асилла с другой служанкой готовили мне воду для мытья, я обдумывала свои ближайшие действия. Помнится, Тамлин говорил, что им с Ласэном приходится заниматься разными делами. И скорее всего, поодиночке. Значит, мне нужно поскорее разыскать Ласэна.

У Асиллы мне удалось узнать, что Ласэн сегодня должен нести дозор на границе и сейчас он, скорее всего, в конюшне, готовится уехать. Я едва дождалась, когда служанки уйдут, и выскочила из комнаты. «Только бы успеть!» – повторяла я, торопясь к конюшне.

Конюшня не примыкала к поместью, а вместе с другими хозяйственными постройками стояла в стороне. Чтобы добраться к ней, нужно было пройти через сад. Я успела одолеть половину пути и...

– Сегодня ты не ставила силки на меня? – послышался за спиной голос Тамлина.

Я застыла как вкопанная. Потом обернулась. Тамлин стоял совсем рядом.

Как он сумел бесшумно подкрасться? Ведь ни один камешек не скрипнул. Навыки фэйри, недоступные смертным. Мысленно приказав себе успокоиться, я ответила:

– Ты сказал, что здесь безопасно. Я тебе поверила.

Я старалась говорить со всей учтивостью, на какую спо-

собна.

Тамлин прищурился и попытался изобразить любезную улыбку:

– То, чем я должен был заняться утром, пришлось отложить.

На нем не было ни воинской одежды, ни перевязи. Вместо этого Тамлин надел белую рубашку, закатав ее до локтей и обнажив загорелые мускулистые руки.

– Если хочешь проехаться по окрестностям... если тебе интересно посмотреть, как выглядит местность вокруг твоего нового... жилья, можем отправиться верхом.

И вновь он делал попытку... подстроиться под меня, хотя каждое слово стоило ему заметных усилий. Возможно, рано или поздно Ласэн сумеет его переубедить. А пока... долго ли мне удастся его обманывать? Вообще-то, я не любила то, что в мире людей называлось интригами. Мне даже стало известно. Он ведь потратил столько усилий, чтобы защитить меня от ужасов Соглашения. Пообещал, что меня здесь никто пальцем не тронет... Мне пришлось себе напомнить, что я здесь не в гостях, а в плену. Я должна вернуться к своим.

– Знаешь, я лучше побуду одна. Так легче привыкать к новой обстановке. По крайней мере мне. Но я благодарна тебе за приглашение.

Тамлин напрягся:

– А как насчет...

– Нет, спасибо, – возразила я, даже не зная, о чем речь.

Я сама удивлялась своей наглости. Но мне нужно было увидаться с Ласэном и выяснить, годится ли он в союзники. Возможно, я опоздала и он уже уехал.

Тамлин сжал кулаки, словно боялся, что когти вырвутся наружу. Но он ни единым словом не упрекнул меня и вернулся в дом.

В его поведении было что-то интригующее. Возможно, мне стоило бы задуматься, почему он так себя ведет со мной, но я не собиралась задерживаться в этом роскошном поместье. Если мне повезет, я вскоре забуду о Тамлине. Быть может, потом, через несколько лет, вдалеке от этих мест и от нашей убогой деревни, я вспомню о странном фэйце и задумаюсь о причинах его не менее странного отношения ко мне.

Подойдя к конюшне, я постаралась придать лицу равнодушное выражение. Мне понравилось просторное здание, выкрашенное в светлые тона. И меня не удивило, что все конюхи были в масках, изображавших лошадиные морды. Вот их – простых фэйри – мне стало чуточку жаль. Дурацкая болезнь вынуждала их ходить в масках еще неизвестно сколько лет, пока кто-то не найдет способа разрушить проклятую магию. Никто из конюхов даже не взглянул в мою сторону. Либо смотреть на людей было ниже их достоинства, либо они не могли мне простить убийство Андраса, и только приказ Тамлина удерживал их от мести.

Все мои попытки держаться непринужденно пошли прахом, когда я увидела Ласэна. Он восседал на черном жереб-

це, белозубо улыбаясь.

– Доброе утро, Фейра.

У меня одеревенело все тело, но я изобразила приветливую улыбку, ожидая его дальнейших слов.

– Собралась покататься? Или все еще раздумываешь, стоит ли оставаться у Тамлина?

Я пыталась вспомнить слова, с которыми сюда шла, чтобы завоевать его расположение. Ласэн засмеялся, и его смех мне не понравился.

– А поехали со мной, – вдруг предложил он. – Я сегодня несу караул в южной части лесов. Мне любопытно увидеть твои... охотничьи навыки, позволившие тебе убить моего друга. Случайно или нет – уже другой вопрос. Давно судьба не сводила меня с людьми, не говоря уже про тех, кто способен убить фэйца. Сделай одолжение. Покажи, как ты охотишься.

Что ж, часть моего замысла удалась, хотя бы отчасти. Где-то это было похоже на приглашение навестить медведя в берлоге. Стараясь, чтобы радость не особо отражалась у меня на лице, я отошла, якобы пропуская конюха. Как и все фэйри, конюх двигался с врожденным изяществом. И этот не удостоил меня взглядом. Он наверняка слышал слова Ласэна, но никак не выказал своего отношения. Вряд ли им было приятно находиться рядом с той, кто убила их соплеменника.

Меня же сейчас занимало совсем другое. Я никогда не охотилась верхом. Обычно я подкрадывалась к добыче или

ставила силки, преследовать же добычу верхом не умела. Тем временем вернувшийся конюх подал Ласэну колчан, полный стрел. Ласэн кивнул и странно улыбнулся. Его живой и металлический глаза смотрели в разные стороны.

– К сожалению, рябиновых стрел сегодня не будет.

Я сжала зубы, чтобы не ляпнуть какую-нибудь резкость. Тамлин дал слово, пообещал мне неприкосновенность. Поскольку фэйри не умеют врать, я могла не опасаться, что Ласэн подстроит мне каверзу. Тогда почему он меня позвал с собой? Решил посмеяться надо мной? А может, ему было по-настоящему скучно. Если так, тем лучше для меня.

Я пожала плечами, делая вид, что раздумываю над его приглашением.

– Мой наряд вполне подойдет для охоты, – сказала я.

– Вот и отлично, – обрадовался Ласэн.

Его металлический глаз сверкнул, поймав косой солнечный луч. Двери конюшни были открыты. Я молила наших забытых богов, чтобы здесь случайно не появился Тамлин и чтобы ему не взбрело в голову поехать в том же направлении.

– Тогда едем, – сказала я.

Ласэн велел приготовить для меня лошадь. Я прислонилась к стене и ждала, поглядывая на двери и подспудно ожидая появления Тамлина. Ласэн что-то говорил о погоде. Я вставляла свои замечания, благо о погоде можно говорить не особо раздумывая.

Ожидание не затянулось, и вскоре я уже сидела на белой

кобыле. Проехав сады, мы достигли леса. Мы ехали не рядом. Я держалась от Ласэна на приличном расстоянии, надеясь, что его металлический глаз не способен видеть сзади.

Мысль неприятно зацепила меня, и я ее отбросила. Помня, где я и с кем, я запретила себе любоваться тем, как солнце подсвечивает листья, старалась не смотреть на кустики лиловых крокусов на фоне зелени и коричневой земли. Все это лишь мешало сосредоточиться на главных замыслах. Важнее было запомнить рельеф, отметить наиболее высокие деревья, а также ручьи. Эти знания помогут мне выжить, если вдруг я окажусь в здешних местах. Больше всего меня радовало, что мы пока не увидели ни одного фэйри. Фэйская знать нам тоже не попадалась.

– Что ж, у тебя здесь просто идеальные условия для охоты, – сказал Ласэн.

Он развернул жеребца и подъехал ко мне. Хорошо. Правда, особого дружелюбия я пока у него не заметила.

Я поправила ремень колчана, затем провела пальцем по гладкому изгибу тисового лука. Он был крупнее моего старого. Стрелы тоже оказались тяжелее, с более внушительными наконечниками. Я сомневалась, что первые мои стрелы попадут в цель. Сначала нужно приспособиться к луку, уравновесить его в руке.

Пять лет назад я потратила последние деньги из отцовских запасов, чтобы купить лук и стрелы. С тех пор я каждый месяц откладывала понемногу на стрелы и запасную тетиву.

– И что же ты медлишь? – подгонял меня Ласэн. – Или здесь мало дичи? Ты заметила, сколько птиц и белок попало нам, пока ехали сюда?

Свет, пробиваясь сквозь кроны деревьев, рисовал странные узоры на лисьей маске. Мне стало жутковато от его металлического глаза.

– Я всегда охотилась ради пропитания, а не для забавы, – сказала я. – Пропитания вам и так хватает. С избытком. Я видела, сколько пищи остается.

Я умолчала о том, что фэйцам вряд ли пришлось бы по вкусу беличье мясо.

Ласэн усмехнулся и ничего не сказал. Мы ехали под громадным деревом цветущей сирени. Ветки с цветками склонялись довольно низко и задевали мне щеки. Это напоминало прикосновение холодных бархатисто-гладких пальцев. Мы давно проехали дерево, а ноздри еще удерживали аромат сирени. Это я тоже отнесла к бесполезным ощущениям, хотя... На таком дереве в случае чего можно надежно спрятаться.

– Тамлин представил тебя как своего посланца, – решила начать расспросы я. – Неужели у вас посланцы ездят в дозор?

Вопрос казался мне вполне невинным и не вызывающим подозрений.

Я уже привыкла, что перед ответом Ласэн цокал языком.
– Я – посланец Тамлина по официальным делам. Но это не

значит, что в остальное время я сижу сложа руки. На границу сегодня должен был отправиться Андрас. А пришлось мне.

Я проглотила комок слюны. В здешнем мире Андрас занимал определенное место. У него были друзья. Он вовсе не был безымянным и безликим фэйри. И наверняка по нему тосковали сильнее, чем дома – по мне.

– Прости меня за... сам понимаешь, – вполне искренне сказала я. – Я и не представляла, как много он значил для вас.

– Тамлин тебе это объяснил с самого начала, иначе не по-тащил бы сюда. А может, увидел тебя в лохмотьях и пожалел.

– Тебе хочется поиздеваться надо мною? Ты поэтому меня пригласил? Знала бы – ни за что с тобой не поехала.

Помнится, Асилла говорила, что Ласэну нравится, когда ему дерзят. За мною дело не станет.

– Пожалуйста, извини меня, Фейра, – пробормотал Ласэн. Будь он человеком, я бы назвала его вруном. Но фэйри не врут. Считать ли его извинения искренними? Я пока не решила.

– Ну и когда же ты начнешь подлизываться ко мне и просить, чтобы я уговорил Тамлина поискать лазейки в Соглашении и отпустить тебя домой?

– Что? – встрепенулась я, стараясь не показывать изумления.

– Ты потому и согласилась поехать со мной. Скажешь, не так? И в конюшню примчалась, чтобы застать меня.

Он искоса глянул настоящим глазом:

– Ты решила, будто я способен повлиять на Тамлина.

Честно говоря, я удивлен и польщен.

Я пока не стала раскрывать карты, прикинувшись дурочкой.

– О чем ты говоришь?

Он задрал голову. Сам по себе этот жест был достаточным ответом. Но Ласэн добавил и слова – естественно, вместе с ухмылкой:

– Чтобы понапрасну не тратить твое драгоценное время, объясню пару моментов. Если бы я здесь что-то решал, я бы давным-давно тебя прогнал. И убеждать меня не понадобилось бы. Это первое. Второе: я здесь ничего не решаю. К тому же нет таких дополнительных лазеек, которые позволили бы обойти требования Соглашения.

– Не верю! Должны же существовать хоть какие-то...

– Фейра, меня восхищает твоя человеческая наглость. Или правильнее будет назвать это глупостью? Не забывай: я вовсе не хотел, чтобы тебе сохранили жизнь. Я предлагал Тамлину тебя убить. Но раз Тамлин решил по-другому, ты останешься здесь до конца твоих дней. Если, конечно, не захочешь на свой страх и риск посмотреть другие уголки Притиании... А вот этого очень не советую, – добавил Ласэн, смерив меня взглядом.

Нет, я ни в коем случае не могла... не могла остаться здесь до самой смерти. Быть может, все-таки есть способ. Или есть

кто-то, знающий такой способ. Я успокоила сбившееся дыхание, запихнув подальше тревожные, пугающие мысли.

– Надо же, сколько усилий ты тратишь! – ухмыльнулся Ласэн.

На этот раз я не стала играть в учтивость и сердито полоснула по нему глазами.

Мы ехали молча. В ветвях щебетали птицы. Изредка мелькали беличьи хвосты. Все звуки и запахи были вполне привычными, лесными, и мне удалось успокоить бурление мыслей.

– А где же остальные придворные Тамлина? – спросила я. – Неужели все бежали, когда странная болезнь повредила вашу магию?

– Откуда ты знаешь про двор? – торопливо спросил Ласэн. Наверное, он понял мой вопрос по-другому.

– Разве у хозяев поместий бывают посланцы? – спросила я, стараясь выглядеть невозмутимой. – И ваши служанки болтают ничуть не хуже человеческих. Не потому ли вы с Тамлином заставили их надеть для того праздника маски птиц?

– Никто никого не заставлял, – возразил Ласэн. – Мы хотели отпраздновать искусство превращения, которым владеет Тамлин. И слуги нас поддерживали. Будь у нас возможность, мы давным-давно сорвали бы проклятые маски.

Ласэн взялся за свою. Маска даже не шелохнулась. Она стала частью его лица.

– А с чего вдруг ваша магия обернулась против вас?

Ласэн зловеще рассмеялся:

– Не вдруг. На нее повлияло нечто, проникшее в наш мир из самых отвратительных глубин ада.

Он огляделся по сторонам и выругался.

– Напрасно я вообще заговорил об этом. Если вдруг до нее дойдет...

– Она – это кто?

Подбородок Ласэна побелел. Он запустил руку в свои рыжие волосы.

– Не имеет значения, – с тяжелым вздохом ответил он. – Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Тамлина зачем-то потянуло рассказать тебе о болезни, но я бы не стал доверять такие вещи людям. Вы же не преминете обернуть это себе на пользу.

Опять он задевает людей! Я возмутилась, однако поспешила погасить возмущение. Сведения, которые он выболтал, были на вес золота. Значит, существует какая-то «она», и этой женщины – или существа – он боится. Вероятно, это существо женского рода способно подслушивать на расстоянии и вообще следить за его поведением. Я огляделась по сторонам, но ничего настораживающего не увидела.

Я знала, что Притиания управляется семью верховными правителями. Возможно, «она» была верховной правительницей, управлявшей этими землями. Если, конечно, у фэйри женщины допускались к власти.

– А сколько тебе лет? – спросила я, надеясь, что Ласэн ненароком выболтает еще какие-нибудь полезные сведения.

– Достаточно, – уклончиво ответил он.

Ласэн вглядывался в окрестные кусты, но вряд ли высматривал за ними дичь. И плечи у него сильно напряглись.

– Какими способностями ты обладаешь? Ты умеешь превращаться в зверя, как Тамлин?

Ласэн вздохнул и зачем-то поднял глаза к небу. Может, ждал нападения с воздуха. Его металлический глаз тоже щурился. Зрелище было не из приятных.

– Пытаешься вызнать наши слабые места, чтобы потом...

Я сердито посмотрела на него.

– Ладно. Отвечу. Я превращаться не умею. Только Тамлин.

– Почему только? Твой друг... Он появился в обличье волка. Если это не было его...

– Нет, нет, – замотал головой Ласэн. – Андрас тоже был из числа фэйской знати. Если нужно, Тамлин может превратить каждого из нас в зверя или птицу. Но это он делает лишь со своими дозорными. Когда Андраса отправили в мир людей, Тамлин сделал его волком, маскируя фэйскую природу. Однако на самом деле таких громадных волков не бывает... Могла бы догадаться.

Меня пронзила совсем другая догадка, от которой стало страшно. Красно-коричневый глаз Ласэна горел сердитым огнем, но я даже не замечала. Я не решилась спросить, спо-

собен ли Тамлин и меня превратить в какого-нибудь зверя.

– Сдается мне, что вы, смертные, не делаете особой разницы между народом фэ и фэйри, – продолжал Ласэн. – И это ваша ошибка. Народ фэ – высшее сословие. Знать. Далеко не у всех нас есть способности, которыми обладают фэйри. Могу тебе сказать, что у меня нет таких прирожденных качеств. Я не умею убивать взглядом, заманивать смертных в воду, чтобы утопить. Если бы люди захватили меня в плен, я бы не нашел общего языка с ними. У нас иное предназначение. Мы рождаемся, чтобы управлять.

Я отвернулась, чтобы он не увидел моих выпученных глаз.

– Значит, в вашем мире я была бы не фэйской знатью, а кем-то из простых фэйри? Кем-то вроде Асиллы, ожидающей ваших повелений и распоряжений?

Ласэн не ответил, но его молчание сошло за «да». Конечно, с его высокомерием я казалась Ласэну слишком отвратительной заменой убитому Андрасу. И поскольку он успел возненавидеть меня на всю мою жизнь, сразу разгадав мой замысел, я спросила:

– Откуда у тебя этот шрам?

Ласэн нахмурился:

– Позволил себе открыть рот, когда требовалось молчать, вот и получил наказание.

– Не от Тамлина?

– Ты что, в Котле сварилась? Его здесь не было. Но потом он нашел мне замену.

Опять туманные ответы, которые и ответами-то назвать нельзя.

– Значит, все-таки есть фэйри, которые способны ответить на любой вопрос?

Может, они знают, как мне избавиться от тягот Соглашения?

– Есть, – нехотя ответил Ласэн. – Суриели. Но они старые и коварны. Искать их очень опасно. Если же ты настолько глупа, что пропустишь мои слова мимо ушей и попытаешься их найти, я сочту твое поведение подозрительным и предложу Тамлину посадить тебя под домашний арест. Своим глупым любопытством ты уже выманила одного.

Я не понимала, так ли это на самом деле или Ласэн вздумал меня поугатать, но вскоре я поняла, что он сам напуган. Повернув голову вправо, он прислушивался. Металлический глаз медленно вращался. У меня волосы стали дыбом. Повинуясь охотничьему инстинкту, я подняла лук, вложила стрелу и направила ее туда, куда тревожно вглядывался Ласэн.

– Опустит лук, – грубо потребовал Ласэн. – Опустит лук, глупая девчонка, и смотри только вперед.

Я повиновалась. В кустах что-то зашуршало. У меня по телу побежали мурашки.

– Не откликайся, – велел Ласэн, заставляя и себя глядеть прямо перед собой. Его металлический глаз замер. – Что бы ты сейчас ни увидела и ни почувствовала – никаких ответ-

ных действий. Поняла? И головой не верти. Смотри только вперед.

Потными, трясущимися руками я сжала поводья. Мелькнула мысль: «А не вздумал ли Ласэн зло подшутить надо мной?» Его побелевший подбородок доказывал, что нет. Лошади прижали уши, но продолжали идти вперед, словно повиновались приказу Ласэна.

А потом я почувствовала...

Глава 10

Ледяной холод сковал все тело, проникнув даже в кровь. Краешком глаза я уловила движение – что-то мелькнуло, и... все. Как тогда, в саду. Лошадь подо мною напряглась, я же изо всех сил старалась сделать безразличное лицо. Мне показалось, что даже весенняя листва на деревьях пожухла, словно сюда ворвалось дыхание зимы.

Вокруг нас двигалось нечто холодное – я ничего не видела, только чувствовала. Где-то на самых задворках сознания звучал древний бесцветный голос, нашептывая мне:

«Когтями я размочу твои кости, а потом выпью из них мозг. Я славню попирую твоим телом. Я – то, чего ты боишься. Я – твой кошмар наяву... Посмотри на меня. Посмотри же на меня».

Я не могла проглотить скопившуюся слюну, горло сомкнулось. Я старалась смотреть на деревья, на их сочную весеннюю листву, на что угодно, только не на холодного невидимку, кружащего вокруг нас.

«Посмотри на меня».

Мне хотелось взглянуть. Отчаянно хотелось.

«Посмотри на меня».

Помня слова Ласэна, я пялилась на ствол вяза, стоящего в отдалении, и старалась думать о чем-нибудь приятном вроде горячего хлеба и сытого живота.

«Я досыта наемся тобой. Я проглочу тебя за один присест. Посмотри на меня».

Я представила ясное звездное небо: безмятежное, бескрайнее, сверкающее. Восход солнца летним утром. Бодрящее купание в лесном ручье. Встречу с Икасом. Пару часов забытья в его объятиях, когда нет ничего, кроме нашего слившегося дыхания.

Невидимка окружил нас холодом, напомнив о моих зимних странствиях по лесу. «Посмотри на меня».

Я смотрела на приближающийся ствол вяза, не осмеливаясь мигать. Глаза стало жечь, потом они наполнились слезами. Я не мешала им капать, отказываясь признавать существование невидимки, который шнырял вокруг нас.

«Посмотри на меня».

Запрет смотреть отзывался острой болью в глазах. Я чувствовала, что не выдержу и взгляну. И вдруг невидимка скрылся в кустах, оставив за собой полосу поникшей от холода травы. Только после этого Ласэн отважился выдохнуть. Наши лошади мотнули головами. Я обмякла в седле. Воспрянувшие крокусы подняли головки.

– Что это было? – спросила я, смахивая слезы.

– Лучше не спрашивай, – ответил все еще бледный Ласэн.

– Прошу тебя, скажи. Это и был... суриель, о котором ты рассказывал?

Живой глаз Ласэна почернел.

– Нет, – хрипло проговорил он. – Это существо вообще не

должно появляться в наших землях. Мы называем его «богге». Охотиться на него бесполезно, а убить – невозможно. Даже твоими любимыми рябиновыми стрелами.

– А почему нельзя на него смотреть?

– Посмотреть на богге – значит подтвердить его существование. Так он становится реальным и затем убивает тебя.

У меня по спине катился холодный пот. Значит, не все легенды о Притиании – досужая выдумка людей. Иные рассказывались вполголоса, шепотом, с оглядкой. Вот почему несколько дней назад я хладнокровно убила волка, хотя интуиция и намекала мне, что это фэйри. Пусть одним страшным существом станет меньше.

– Я все время слышала у себя в голове его голос. Он убеждал меня посмотреть.

Ласэн расправил плечи:

– Хвала Котлу, что ты этого не сделала. Иначе мне бы пришлось весь день отмываться от твоих останков.

Он вяло улыбнулся. Меня же не тянуло улыбаться. Я и сейчас слышала голос богге: он шептал из листвы, звал меня.

Наша «прогулка верхом» продолжалась. Где-то после часа неспешной езды я более или менее успокоилась, чтобы продолжить разговор.

– Стало быть, лет тебе достаточно, – сказала я.

Ласэн почему-то сжался.

– Ты ходишь с боевым мечом, несешь караул на границе. Может, ты и на Войне сражался?

Мне до сих пор было любопытно, когда и где он лишился глаза.

– Что за чушь ты городишь, Фейра! – поморщился Ласэн. – Я не настолько стар.

– Но ты – воин?

Иными словами: смог бы ты меня убить, дойди дело до поединка?

Он глухо засмеялся:

– Конечно, с Тамлином мне не сравниться, но владеть оружием обучен.

Ласэн похлопал по эфесу меча.

– Хочешь, поучу тебя искусству сражения на мечах? А может, ты уже умеешь, искусная смертная охотница? Раз ты сумела убить Андраса, тебя ничему не надо учить. Только указать, куда целиться.

Он постучал себе в грудь.

– Мечом я не владею. Надобности не было. Я лишь умею охотиться.

– Разве это не одно и то же?

– Для меня нет.

Ласэн умолк, раздумывая над моими словами.

– Люди ужасно трусливы. Если бы ты знала, кто такой Андрас на самом деле, ты бы обмочилась со страху, сжалась в комок и ждала смерти.

Ну сколько можно?

Ласэн вздохнул и снова поглядел на меня:

– Ты когда-нибудь отбросишь свою жуткую серьезность и угрюмость?

– А ты когда-нибудь перестанешь быть таким придурком? – огрызнулась я.

За эти слова он вполне мог меня убить, но Ласэн только улыбнулся:

– Гораздо лучше.

Похоже, Асилла была права.

* * *

Наше хрупкое перемирие, заключенное днем, кончилось за обеденным столом.

Тамлин сидел на своем обычном месте, покачивая в руке бокал с вином. Высунувшийся коготь царапал стенку бокала, но замер, едва я переступила порог столовой. Ласэн вошел следом за мной. Зеленые глаза Тамлина пригвоздили меня к месту.

Поделом. Утром я отвергла его общество, заявив, что хочу побыть одна. А на самом деле...

Взгляд Тамлина переместился на Ласэна, чье лицо превратилось в подобие камня.

– Мы ездили на охоту, – сказал Ласэн.

– Слышал, – рывкнул Тамлин, следя, как мы рассаживаемся. – И что же? Приятно провели время?

Его коготь медленно втянулся под кожу.

Ласэн промолчал, перепоручив ответ мне. Трус!

– Более или менее, – сказала я.

– Что-нибудь добыли? – отрывисто спросил Тамлин.

– Нет, – ответил Ласэн и многозначительно кашлянул, словно требуя от меня рассказать подробности.

Мне было нечего сказать. Точнее, я не знала, можно ли рассказывать Тамлину о случившемся. Тамлин наградил меня долгим взглядом и принялся за еду. Похоже, и ему не хотелось со мною говорить.

– Слушай, Тамлин, – осторожно начал Ласэн.

Тамлин поднял голову. Сейчас в его зеленых глазах было больше звериного, а еще в них звучал молчаливый приказ говорить без обиняков.

У Ласэна дрогнул кадык.

– Сегодня нам в лесу попался богге.

Вилка в руке Тамлина согнулась сама по себе.

– Вы с ним столкнулись? – с ужасающим спокойствием спросил Тамлин.

Ласэн кивнул:

– Прошел мимо, но приблизился почти вплотную. Должно быть, прошмыгнул через границу.

Высунувшиеся когти Тамлина расплющили вилку. Он резко поднялся. Я чувствовала: он едва сдерживает свою ярость. Его клыки удлинялись на глазах.

– В какой части леса?

Ласэн пояснил. Взглянув на меня, Тамлин вышел из сто-

ловой. Я думала, он хлопнет дверью. Наоборот. Дверь он закрыл с раздражающей осторожностью.

Ласэн вздохнул, отодвинул от себя полупустую тарелку и принялся растирать виски.

– Куда он направился? – спросила я.

– Охотиться на богге.

– Не ты ли говорил, что на богге охотиться невозможно? Даже смотреть нельзя.

– Тамлин может.

У меня перехватило дыхание. Угрюмый фэец, принадлежащий к высшей знати, обладал такой силой, что способен убить страшную тварь вроде богге. И тем не менее он пытался говорить мне приятные слова и даже прислуживал за столом. Тамлин, имевший все права меня убить, предложил мне жизнь. Пусть он предельно опасен, а о его воинских умениях я боялась даже думать, но...

– Он поехал в то место, где мы сегодня были?

Ласэн пожал плечами:

– Если Тамлин сумеет взять след, то куда-то туда.

Я не представляла, как Тамлин собирается одолеть нечто бессмертное и ужасное, что звалось богге. Но... ему лучше знать свои возможности.

У Ласэна пропал аппетит, зато мне отчаянно хотелось есть. Погруженный в раздумья, Ласэн даже не заметил сколько всего я умяла.

Я вернулась в свою комнату. Делать было нечего, спать

не хотелось. Я стояла у окна и смотрела в сад. Подспудно я ждала возвращения Тамлина, но он не возвращался.

В саду я подобрала камень, заменивший мне брусок, и теперь точила на нем украденный нож. Так прошел час. Тамлин не возвращался.

Взошедшая луна светила мне в лицо, заливая сад серебром и наполняя его причудливыми тенями.

Мне вдруг стало смешно. Что я, как дура, жду возвращения Тамлина? Что движет мною? Хочу убедиться в его способности убить богге и уцелеть? Или... Я задвинула занавески и пошла в кровать.

Однако сад не пустовал. Там что-то двигалось.

Я снова подбежала к окну. Если это Тамлин, мне не хотелось, чтобы он меня видел, поэтому я немного раздвинула занавески и выглянула в щель.

Нет, это был не Тамлин. Но в живой изгороди кто-то прятался. Я чувствовала, как он смотрит на дом. На меня.

Я увидела сгорбленный мужской силуэт. Незнакомец приблизился еще на пару шагов и попал в полосу света.

Это был не фэйри, а человек.

Мой отец.

Глава 11

Я не поддавалась страху и сомнениям, лишь пожалела, что не припрятала еды от завтрака. Я торопливо одевалась, цепляя на себя несколько слоев одежды. Поверх надела плащ. Нож спрятала за голенище. Обойдусь без смены белья, мешок в пути – лишняя ноша.

Подумать только, мой отец! Мой отец приехал, чтобы меня спасти. Он не прельстился благами, полученными от Тамлина. Он решил меня спасти. Быть может, отец сумел договориться с капитаном какого-нибудь корабля и мы уплывем далеко-далеко? Наверное, он выгодно продал наше жилье и у нас появились деньги? Теперь мы начнем новую жизнь на другом континенте, далеко от всех этих фэйри с их болезнями и призраками.

Я не верила своим глазам. Отец – увечный, слабый, – однако сумел меня разыскать.

Рядом с домом не было ни души. Внутри – мертвая тишина. Скорее всего, моего отца никто не заметил. Он терпеливо ждал возле живой изгороди и делал мне знаки, убеждая выйти. Хорошо, что Тамлин не вернулся с охоты.

Я оглядела свою комнату. Прислушалась – не идет ли кто по коридору. Никого. Тогда я открыла створку окна, ухватилась за ближайший стебель глицинии и скользнула вниз.

Гравий под сапогами скрипнул излишне громко. Я замер-

ла. Вдруг кто услышит? Отец пошел в сторону ворот. Как всегда, он хромал, опираясь на палку. И все-таки как он сюда добрался? Лошадей оставил где-то поблизости? Меня удивило, что отец довольно легко одет. А ведь по другую сторону стены нас ждала зима. Ничего, одежды на мне более чем достаточно. Поделюсь.

Я старалась двигаться бесшумно, избегая пятен лунного света. Отец шагал слишком быстро для своей увечной ноги, направляясь в сторону живой изгороди и дальше, к воротам.

В доме горели редкие свечи. Я не осмеливалась громко дышать. Окликнуть его? Нет, этим я все испорчу. Если мы уедем сейчас... если у отца есть лошади, когда нас хватятся, мы уже будем на полпути к дому. А потом – прочь с проклятого острова. Подальше от Тамлина и от их странной болезни, которая может перекинуться и на земли людей.

Отец уже достиг ворот. Они были открыты, за ними темнел лес, он манил меня. Скорее всего, лошадей отец спрятал в лесу. Так надежнее. Отец обернулся. Я увидела знакомое лицо – исхудавшее, осунувшееся. Карие глаза – ясные, зовущие. Отец нетерпеливо махал рукой. «Торопись!» – кричал каждый его жест.

Как некстати у меня заколотилось сердце. Спокойствие. Еще немного – и мы с отцом покинем этот мир. Впереди нас ждет свобода. Новая жизнь.

Чья-то рука сжала мою руку и сильно дернула.
– И куда ты собралась?

Я мысленно бормотала все ругательства, которые знала.

Когти Тамлина прокалывали мои одежды. Я в неописуемом ужасе смотрела на него и не осмеливалась двинуться. Его губы вытянулись в тонкую линию. Подбородок дрогнул. Потом он открыл рот, и я увидела длинные клыки. Лунный свет делал их особо зловещими. Таким клыкам ничего не стоит перекусить мне горло.

Сейчас он убьет меня. Прямо здесь. Потом убьет моего отца. Все лазейки кончились. Неуклюжие комплименты – тоже. Его милосердие не безгранично. Я не только убила его друга, но и плюнула ему в душу. Сама подписала себе смертный приговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.